

О ТИПАХ ВОЗРАСТАНИЯ¹⁾.

Λέγω ὑμῖν, μεῖζον ἐν γεννητοῖς γενναῖσθαι
Ιωάννου οὐδεὶς ἔστιν ὁ δὲ μικρότερος ἐν τῷ
βασιλείᾳ τοῦ Θεοῦ μεῖζον αὐτοῦ ἔστιν (Лк. 7, 28).

I.

Въ Житіи св. Пахомія Великаго повѣствуется, какъ однажды одинъ изъ иноковъ попросилъ этого святого рассказать ему о какомъ-либо видѣніи.—„Самое чудесное видѣніе, отвѣчалъ Пахомій, это то, когда ты увидишь лицо человѣка, въ которомъ отражается чистота и глубокое смиреніе сердца. Можетъ ли быть лучшее видѣніе, чѣмъ видѣть невидимаго Бога, обитающимъ въ человѣкѣ, какъ въ своемъ храмѣ...“

Въ этомъ высшемъ прозрѣніи человѣческаго бого-средства, какъ и въ еле-уловимыхъ переливахъ простого сочувствія и щемящаго душу состраданія; въ платоновскомъ эросѣ ко все-превозмогающей красотѣ, въ изступленномъ паѳосѣ восторга, дающемъ выразумѣть неземное, осіянное ядро личности, какъ и въ крѣпко-уплотненномъ сознаніи братства,—во всякомъ реальному касаніи къ другой душѣ, во всякомъ переживаніи личности человѣческой, при всякомъ выхожденіи изъ процессовъ внутри-субъективной жизни, съ необходимостью выступаютъ два момента и, при томъ, на

¹⁾ Мы ограничиваемся разсмотрѣніемъ вопроса о типахъ возрастанія и почти не говоримъ о типахъ убыванія. Этого требовала краткость статьи, тѣмъ болѣе, что послѣдній вопросъ не трудно обсудить по плану, аналогичному съ предлагаемымъ въ настоящей статьѣ. Психологические же примѣры, иллюстрирующіе отвлеченнную мысль, разбросаны повсюду, особенно у Достоевскаго. „Никакое падавіе личности не есть послѣднее паденіе”—вотъ тотъ выводъ, который получился бы въ итогѣ предполагаемаго анализа.—Добавимъ еще что нѣкоторыя изъ встрѣчающихся здѣсь понятій (актуальная и потенциальная безконечности, группа, ранговое отношеніе и т. п.) разъяснены въ статьѣ „О символахъ Безконечности“ („Новый Путь“, 1904, № 9).

взглядъ, исключающіе другъ друга. Оба они съ безпримѣсною красочностью отмѣчены въ словахъ Пахомія.

Съ одной стороны, личность предстоитъ сознанію, какъ цѣнность безусловная, какъ нѣкоторая актуально являющаяся ему безконечность. Но съ другой стороны, она—цѣнность условная, сравнительная и, какъ таковая, способная быть больше и меньше,—отъ „украшенія міра“, *хобмоs хобмоu*¹⁾, даже до „звѣринного образа“ включительно. Личность—храмъ Божій, но она же—и Живущій въ немъ, конечное и безконечное, животное и богъ, сочетанье ангела и звѣря (если вѣрить юдейскимъ раввинамъ)²⁾—существо двойственной жизни или амфибія, какъ называлъ ее Плотинъ.

Это кажущееся противорѣчіе между двумя характеристика-ми личности устраняется различиемъ въ ней двухъ сторонъ бытія: идеального момента и момента реальнаго, цѣннаго постольку, поскольку въ немъ отпечатлѣлся первый;—нѣкотораго я знаніе котораго о себѣ, со-вѣдніе или совѣсть котораго есть гласъ Божій, и другого я, неразрывно связанаго съ первымъ, которое тоже безусловно, но только въ возможности, а не въ дѣйствительности,—„въ дѣйствительности же ничтожно“ (Вл. Соловьевъ).

Сейчасъ было бы неумѣстно обсуждать ихъ взаимную связь³⁾. Намъ важно только одно: имѣются переживанія, когда происходитъ откровеніе личности, когда знаніе о личности сопровождается знаніемъ личности, т. е. когда нормативная идея о личности, какъ транс-субъективной дѣйствительности, идетъ рядомъ съ живымъ, имманентномъ сознанію бытиемъ личности. Анализируя эти переживанія, мы съ необходимостью должны мыслить не только актуальность

¹⁾ Такъ названъ человѣкъ въ чинопослѣдованиіи літургії пост. апост. „Пост. ап.“ кн. 8, гл. 9 и 12.

²⁾ „Богъ рѣшилъ, говорили раввины, создать такого человѣка, который былъ бы комбинаціей ангела и звѣря, дабы онъ имѣлъ способность слѣдовать добруму и злому стремленію“ (См. Н. Глубоковскаго „Благовѣстіе св. Апостола Павла и т. д.“ 1905, СПБ. Кн. I, тракт. II, гл. IV, стр. 305, прим. 110. Съ ссылкою на S. Schechter, *The Child in the Jewish Literature* въ „Studies in Judaism“ р. 347). Откидывая необоснованное утвержденіе, что человѣкъ сотворенъ такимъ, какимъ мы его наблюдаемъ, получилъ точное описание наблюдений.

³⁾ Это будетъ сдѣлано въ статьяхъ послѣдующихъ: обѣ ангелологіи о возрастаніи типовъ и др.

безусловной цѣнности ея, но и потенціальность цѣнности, такъ что послѣдняя можетъ возрастать или убывать.

Отсюда—переходъ къ постепенному раскрытию личности безусловной,—къ идеѣ о процессѣ измѣненія для личности условной. При этомъ, безконечность раскрывающагося ведетъ къ возможности безконечнаго раскрытия личности, сверхъ всякой данной цѣнности, т. е. къ признанію за личностью, помимо безконечности актуальной, еще и безконечности потенціальной. Если личность въ одномъ смыслѣ есть безконечность въ актѣ, то въ другомъ—она безконечность въ потенції. Выражаясь богословскими терминами ¹⁾, скажемъ: у личности не только образъ Божій (цѣлѣмъ элогим—**εἶδος**), но еще и подобіе Божіе (демуе элогим—**παρεἶδος**)—возможность безконечнаго раскрытия въ реальному обнаружениі; не только данность безконечности, но и безконечность данности.

Если человѣкъ не всецѣло поглощенъ жаждой Безконечнаго, если не съ головой ушелъ въ запечатлѣніе реальной стороны своей личности печатью безусловнаго, то эта реальная сторона, вообще говоря, можетъ мѣняться по своей цѣнности, дѣлаясь болѣе или менѣе совершенной. Не то—при неудержимо-влекущемъ желаніи совершенства,—при сознательной работѣ, направленной неуклонно всегда въ одну сторону, „къ почести вышняго званія“ ²⁾. Тогда раскрытие цѣнности идетъ поступательно, цѣнность нарастаетъ, и этотъ процессъ, какъ ростъ, подчиняется общимъ формальнымъ законамъ всякаго возрастанія. Разъ это признано, то тѣмъ самымъ и апріорно-выведенныя слѣдствія этихъ общихъ законовъ неминуемо находять себѣ мѣсто въ ученіи о совершенствованіи. Такимъ образомъ тутъ, въ обсужденіи процесса развитія, тѣснѣше соприкасаются дисциплины, на первый взглядъ вполнѣ чуждыя другъ другу; это—математика и нравственное богословіе. Постараемся показать одну-двѣ точки такого соприкосновенія,—слегка очертить, какимъ формальнымъ условіямъ должно удовлетворять развитіе личности,—процессъ ея обоженія, если говорить языкомъ христіанской аскетики. ³⁾

1) Быт. 126, 27.

2) Фил. 3, 14.

3) *Θέωσις*, *deificatio*, *θεοποίησις*, чрезъ которое дѣлаемся, по слову ап. Петра, „причастниками Божескаго естества“, *θεῖας κοινωνοὶ φέσεως* (2 Посл.

II.

„Математика и нравственное богословие?... Очевидно, рѣчь идетъ о какихъ-нибудь аналогіяхъ и сравненіяхъ изъ той и другой области. Вѣдь первая говорить о величинахъ, тогда какъ послѣдняя имѣть дѣло съ тѣмъ, что не подлежитъ измѣренію и что, слѣдовательно, не можетъ быть обрабатываемо математически. Эти двѣ области столь различны, что если можно находить между ними какую-нибудь связь, то вся она исчерпывается намеками, подобіями и образами“.—Такое мнѣніе слишкомъ распространено, чтобы могли быть обойдены молчкомъ возникающія на его почвѣ рѣчи возражателей. Красивы переклики сходствъ и узоры созвучій; красиво всякое аналогизированіе, обрамляющее осознанную связь и поясняющее то, въ чёмъ мы ужѣ увѣрены; но безъ такой опоры и принимаемое въ серіозъ, оно легко становится украшеніемъ дурного научнаго вкуса, если только мы вышли изъ области чистыхъ переживаний. Поэтому важно подчеркнуть, что ниже приводимыя соображенія—не аналогіи или сравненія, а указанія на сходство по существу,—не что-либо, что можно принимать, но можно и не принимать, въ зависимости отъ вкусовъ, а нѣчто, правомѣрность чего опредѣляется достаточно раздѣльными посылками; короче—необходимо-мыслимые схемы.

Главная же изъ этихъ посылокъ безусловно отрицаетъ, чтобы математическому вѣдѣнію подлежали только величины. Основная математическая идея,—идея группы, относится ко всему тому, въ чёмъ сознаніе производить синтезъ множественности въ единство; ужѣ этотъ синтезъ, будучи основной функцией сознанія¹⁾, дѣлаетъ математику, какъ науку

Петра 14). Такъ называемый Діонисій Ареопагитъ называетъ этотъ процессъ „священнымъ“, *ἱερὰν θέωσιν* (Cap. I de eccles. Hierarchia, sect. II, p. 128), и „намъ соотвѣтственнымъ обоженіемъ“, *τὴν ἡμῶν ἀνάλογον θέωσιν* (Cap. I de coelesti Hierarchia, sect. III, p. 4). По его объясненію это—„нѣкоторое, сколько возможное, уподобленіе и единеніе съ Богомъ“, *θέωσίς ἐστιν ἡ πρὸς Θεὸν, ὡς ἐφικτὸν, ἀφομοιώσι, τε καὶ ἔνωσις*. Другія подробности см., напр., у Свицера (Ioh. Caspari Sivegeri Thesaurus Ecclesiasticus etc., T. I, col. 1398).

¹⁾ См. напр. „Прелюдій“ Виндельбанда пер. С. Франка: „Система Категорій“, стр. 334—350, особенно въ началѣ. См. также мое Вступление къ переводу „Физическ. монадології“ Канта („Богословск. Вѣстн.“ 1905 № 9).

о группахъ, примѣнимой повсюду, гдѣ только функционируетъ сознаніе.

Слѣдующая основная идея математики,—идея функциї или функциональной зависимости между группами,—находитъ свое примѣненіе всякой разъ, какъ сознаніе производить синтезъ двухъ или большаго числа группъ съ сохраненіемъ ихъ индивидуального единства, т. е. тамъ, гдѣ группы приводятся въ соотношеніе активностью сознанія, съ одной стороны удерживающимъ элементы группъ распределенными въ ихъ первоначальныхъ единствахъ между собою, а съ другой—образующимъ новую группу, вышаго порядка, но уже не изъ первоначальныхъ элементовъ, а изъ тѣхъ или иныхъ связей, соотвѣтствій между элементами разныхъ группъ или, если угодно, рассматривающимъ подгруппы, образованныя изъ элементовъ основныхъ группъ, какъ элементы вновь синтезируемой группы.

Установить соотвѣтствіе между элементами группъ—вотъ съ формальной стороны все то, что мы мыслимъ, говоря о законѣ или о закономѣрностяхъ. А такъ какъ размышеніе только и начинается съ установки общаго явленій, т. е. съ съ подведенія ихъ подъ закономѣрность, хотя бы самую примитивную, то мы можемъ сказать, что вторая основная идея математики примѣнима тамъ, гдѣ начинается рефлексія.

Отсюда ясно, что математика, вообще говоря, вовсе не занимается величинами. Величиною объектъ ея,—группа, становится при весьма специальныхъ условіяхъ¹⁾; основная же требованія примѣнимости имѣются всегда,—имѣются и въ области духовнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнную данную прямого опыта составляетъ наличность многихъ состояній въ человѣческой личности,—разумѣю просто то, что человѣкъ не остается абсолютно тождественъ себѣ. Множественность различныхъ состояній, объединенная въ единство, поскольку всѣ они относятся къ единому субъекту, образуетъ группу. Устанавливая связь отдельныхъ состояній съ соотвѣтственными моментами времени, мы получаемъ функциональную зависимость между духовной жизнью и временемъ.

Иной вопросъ, можно ли реализовать эту функцию единобразными аналитическими приемами, и какъ именно. Но,

¹⁾ Было бы невозможно раскрыть ихъ въ статьѣ столь короткой, да это намъ и не важно.

какъ и въ математикѣ чистой, самая наличность соотвѣтствія и знаніе нѣкоторыхъ его свойствъ ужѣ позволяютъ намъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія на счетъ природы функціи чисто-формальнымъ путемъ, а потому выполняемая всякой функціей, если только для нея указаны такія же свойства. Вѣдь и въ общихъ изслѣдованіяхъ, функція часто не реализуема въ видѣ формулы, по крайней мѣрѣ при наличныхъ средствахъ математики; часто также формула оказывается ненужной, хотя и возможна¹⁾.

Въ извѣстныхъ случаяхъ (а на практикѣ—всегда) возможно расположить элементы группъ, синтезированныхъ въ функцію, въ нѣкоторомъ необратимомъ распорядкѣ, руководствуясь тѣмъ или инымъ соображеніемъ; тогда между элементами будутъ отношения по рангу, и мы сможемъ говорить символически о возрастаніи и убываніи функціи (зависимаго переменнаго) въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ или убываніемъ аргумента (независимаго переменнаго).

Въ вопросѣ о развитіи личности, независимое переменнное—время. Но *irreparabile tempus fugit*; время—группа необратимая по природѣ своей, и тѣмъ самыи элементы его ужѣ расположены по рангу. Зависимымъ переменннымъ, въ нашемъ вопросѣ, является раскрыть личности; состоянія же духа, подвергнутыя оцѣнкѣ непосредственного самосознанія, определенные по своимъ отношеніямъ къ нормамъ, тоже выстраиваются въ необратимый рядъ по достоинству, и „лучше и хуже“ является признакомъ, устанавливающимъ ранговое отношение. Послѣднее мы можемъ ради краткости условно называть „больше и меньше“, ибо отношенія по величинѣ, какъ и отношенія по достоинству—частный случай отношеній по рангу; у насъ нѣть нарочитыхъ словъ, обозначающихъ ранговыя отношенія и волей-неволей пользующихся словами значенія болѣе узкаго.

¹⁾ Такъ, на примѣръ, даже истасканная функція $E(x)$,—„entier отъ x “,—никогда не выражается рядами, хотя нетрудно при помощи рестрикторовъ получить выраженія ея чрезъ тригонометрические или даже степенные \approx double entr e ряды. Но, написавъ ихъ, мы вичего не прибавляемъ къ познанію внутренней природы функціи, и вполнѣ понятно, что пользующіеся ею до раздраженія часто, быть можетъ, никогда не видали достаточно громоздкихъ рядовъ, ее реализующихъ. (См. мою работу „Объ особеностяхъ плоскихъ кривыхъ, какъ мѣстахъ нарушенія ихъ непрерывности“, ч. II).

Отсюда—возможность говорить о возрастаніи и убываніи личности въ связи съ ходомъ времени, какъ вообще мы говоримъ о возрастаніи и убываніи функції въ связи съ ростомъ ея аргумента. Тутъ, впрочемъ, не сказано ничего нового сравнительно съ обычнымъ словоупотребленіемъ, когда говорятъ, на примѣръ, что данный человѣкъ „усовершился“, „сдѣлался лучшимъ“ и т. п.

Сейчасъ намъ нѣтъ интереса рассматривать всевозможныя закономѣрности при такомъ измѣненіи личности. Мы вникнемъ въ тотъ найинтереснѣйший случай, когда, съ теченіемъ времени, рано или поздно, начинаетъ личность рости, неуклонно уносясь къ безконечности. Другой же характерный случай,—случай прогрессивнаго оскудѣнія,—рассматривается по тому же плану, и потому выгодно, въ цѣляхъ краткости, ограничиться первымъ¹⁾.

Изъ сказанного понятно, что необходимо разсмотрѣть предварительно общій вопросъ о, такъ называемыхъ, монотонно-возрастающихъ функціяхъ, или, по крайней мѣрѣ, становящихся таковыми послѣ извѣстнаго значенія независимаго перемѣннаго и стремящихся въ своемъ ростѣ къ безконечности. Этотъ вопросъ дастъ неожиданныя точки зренія для взгляда на процессъ совершенствованія личности.

III.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право рассматривать состояніе духовной жизни (y), какъ нѣкоторую функцію Φ времени (x), такъ что символически $y = \Phi(x)$; при этомъ x измѣняется непрерывно, течетъ. Кроме того, рано или поздно y получаетъ монотонную возрастаемость до безконечности²⁾. Если принять во вниманіе эти обстоятельства, то разсужденіе переходитъ на почву чисто-математическую.

Функцію $\Phi(x)$ станемъ изслѣдовать для нѣкоторой области измѣненія x , отъ a до b , т. е. на протяженіи извѣстнаго промежутка времени. Дополнимъ наши условія еще однимъ:

¹⁾ Впрочемъ, этотъ случай будетъ отчасти затронуть въ статьѣ: „О любви ко злу“.

²⁾ Т. е. послѣ нѣкотораго, достаточно великаго значенія x , функція никогда уже не убываетъ.

пусть y будетъ непрерывной функціей x для всей разсматриваемой области $a-b$, исключая верхній предѣль b ; по мѣрѣ приближенія къ которому y безпредѣльно возрастаетъ, превышая всякое данное значеніе. Около этого b , слѣдовательно,—періодъ раста¹⁾, стремнина духовнаго потока. Верхній предѣль b самъ можетъ быть бесконечностью; можетъ быть, y безпредѣльно возрастаетъ только при безпредѣльномъ же возрастаніи x . Но мы беремъ общій случай, не предрѣшая ничего о значеніи b , хотя въ примѣрахъ, ради простоты, будемъ предполагать именно, что $b=\infty$.

Время b , примѣнительно къ нашему случаю, не должно непремѣнно быть дѣйствительнымъ моментомъ жизни. Вѣдь намъ важно не фактически-осуществленное достиженіе бесконечнаго результата, а лишь quomodo духовнаго движенія, его $\pi\omega\varsigma$ —“растучесть” духа, законъ возрастанія; законъ же этотъ нисколько не измѣнится по своему характеру, если процессъ развитія прервется хотя бы, на примѣръ, смертью до наст到达 momenta b . Это b , если угодно, можетъ быть такимъ фиктивнымъ времѣнемъ, въ которое личность стала бы бесконечной, если бы продолжала развиваться по тому же закону, какъ развивалась до поры до времени. Вотъ почему условіе непрерывности y не вносить въ разсужденія существенной узости: если бы функція была прерывной, то мы могли бы рассматривать ее по кускамъ, отъ перерыва до перерыва. Самые же разрывы интересны не съ точки зрѣнія типовъ возрастанія, а съ точки зрѣнія возрастанія типовъ и потому будуть разсмотрѣны въ слѣдующей статьѣ²⁾.

Законовъ роста, т. е. функцій, удовлетворяющихъ сказаннымъ условіямъ, бесконечное множество, но между ними можно установить связи, весьма важныя для пониманія развитія въ духѣ. Уяснимъ эти связи сперва на простѣйшихъ примѣрахъ.

¹⁾ Собственно, „растъ—пора быстрого росту зелени, хлѣба, пора до-зрѣванія плодовъ, ягодъ“ (Даль „Толков. слов.“, Т. 4, стр. 67).

²⁾ Покуда мы отвлекаемся отъ возможности потустороннихъ воздействиій, рассматриваемъ путь только-человѣческій, въ кругу силъ, имманентныхъ дѣйствительному и возможному опыту. Возрастаніе же типовъ мыслимо именно при толчкѣ извнѣ, оттуда, и, слѣдовательно, по существу дѣла, носить характеръ прерывный.

Возьмемъ¹⁾ функцію $y_1=6x^3$. Съ возрастаніемъ x отъ 6 до ∞ это y_1 тоже непрерывно растетъ отъ 0 до ∞ , равно какъ и функція $y_2=3x^3$; обѣ онѣ удовлетворяютъ условіямъ, о которыхъ говорено было ранѣе. И та и другая возрастаетъ, но возрастаетъ не одинаково быстро, т. к. отношеніе $\frac{y_1}{y_2}=2$,

т. е. y_1 всегда вдвое больше y_2 . Т. к. отношеніе $\frac{y_1}{y_2}$, при всякомъ x , остается конечнымъ, то при всякомъ x функціи y_1 и y_2 сравнимы между собою; какъ говорятьъ, онѣ стремятся къ бесконечностямъ одного порядка. Стоить помножить y_2 на постоянный множитель 2, чтобы получить y_1 . Эта во-все-временная сравнимость двухъ функцій заставляетъ называть типы возрастанія ихъ равными.

Но легко представить функціи, удовлетворяющія вышесказаннымъ условіямъ, однако съ неравными типами возрастанія. Таковы, на примѣръ, функціи $y_4=x^4$ и $y_3=x^2$.— y_4 , какъ и y_3 , стремится къ бесконечности вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ возрастаніемъ x , но отношеніе ихъ $\frac{y_4}{y_3}=x^2$, съ безпредѣльнымъ возрастаніемъ x , вовсе не остается ни неизмѣннымъ, ни конечнымъ: оно само стремится къ бесконечности, и это показываетъ, что y_4 возрастаетъ гораздо стремительноѣ, чѣмъ y_3 , такъ что разница между ними все увеличивается и превосходитъ всякую конечную разницу. Въ виду этого, бесконечности, къ которымъ стремятся функціи y_4 и y_3 , называются бесконечностями разныхъ порядковъ, именно, порядокъ бесконечности y_4 больше, чѣмъ бесконечности y_3 . А самые типы возрастанія считаются неравными, про нихъ говорятъ, что типъ возрастанія y_4 больше типа возрастанія y_3 . Не смотря на то, y_4 и y_3 все таки остаются еще сравнимыми между собою; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что нужно произвести съ y_3 , чтобы перейти къ y_4 . Нужно, именно, повторить надъ y_3 ту самую операцию, при помощи которой мы перешли къ нему самому отъ x , или, другими словами, надъ x и надъ результатомъ первой операции дважды повторить процессъ возвышенія въ квадратъ: итѣ-

¹⁾ По недостатку типографскихъ средствъ индексы при буквахъ всюду поставлены въ строчку.

рація даетъ то, что дѣлаетъ сравнимыми y_3 и y_4 ; ничего существенно-новаго не требуется.

Отъ одной функціи можно перейдти къ другой посредствомъ операции, аналогичной основной функциональной операции, т. е. придется повторить то, что разъ уже сдѣлано, чѣмъ извѣдано на опытѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ различными порядками безконечностей. Но оказывается, что такъ — далеко не всегда, и существуютъ функціи безусловно не сравнимы такими образомъ. Другими словами, отношение функциональныхъ значеній стремится къ безконечности съ возрастаніемъ x и, какія бы итераціи и дѣйствія имѣ подобныя мы ни производили надъ функціей меньшаго типа возрастанія, функція большаго типа окажется для нея не достижимой, имѣющей безконечность не только другого порядка, но и другой породы, по терминологіи † Н. В. Бугаева¹⁾.

Если мы возьмемъ, на примѣръ, показательную функцію $y_5 = a^x$, где a — нѣкоторое постоянное, и функцію степенную $y_6 = x^2$, то обѣ онѣ удовлетворятъ указаннымъ ранѣе условіямъ т. к. обѣ безгранично возрастаютъ при стремленіи x къ ∞ ; отношение ихъ $\frac{y_5}{y_6} = \frac{a^x}{x^2}$, какъ доказывается въ дифференціальномъ исчислении, тоже стремится къ ∞ съ возрастаніемъ x , а изъ этого слѣдуетъ, что типъ возрастанія y_5 больше, чѣмъ типъ возрастанія y_6 . Но мало того. Въ дифференціальномъ исчислении доказывается, что сколько бы разъ мы ни примѣняли итеративный процессъ къ y_5 , т. е. какъ бы ни повышали порядокъ безконечности его, увеличивая показателя степени при x , мы никогда не уравняемъ типовъ этихъ функцій, никогда не сдѣлаемъ предѣлъ отношения этихъ функцій конечнымъ; какъ бы ни было велико цѣлое число m въ выражении $y_6 = x^{2m}$, типъ возрастанія y_6 менѣе типа y_5 : они не сравнимы; y_5 и y_6 стремятся къ безконечностямъ разной породы²⁾. Это — математическое выраженіе того, что народная

¹⁾ Слышалъ отъ покойнаго на его лекціяхъ-бесѣдахъ. Въ печати этотъ терминъ появляется, кажется, впервые.

²⁾ Можно видѣть и непосредственно, что порода a^x болѣе породы x^2 (или вообще x^n), какъ бы ни было велико n . Въ самомъ дѣлѣ: разлагая a^x по строкѣ Маклорена, имѣемъ:

мудрость выразила рядомъ пословицъ въ родѣ: „и маленькая рыбка лучше большого таракана“, „малъ золотникъ, да золото вѣсять; великъ верблюдъ, да воду возятъ“ и т. п. ¹⁾.

Мы подошли къ наиболѣе важному понятію этой статьи,—къ понятію о такихъ типахъ возрастанія, которые безусловно трансцендентны для даннаго типа, лежать въѣ сравнимости съ нимъ, хотя бы сравниваемый типъ безпредѣльно повышалъ свой порядокъ. Чтобы лучше пояснить это понятіе, составимъ ряды изъ бесконечнаго множества функций, все увеличивающихъ свой типъ безпредѣльно, если двигаться вдоль строкъ слѣва направо, но не могущихъ достигнуть малѣйшаго изъ типовъ ниже-лежащей строки. Получится таблица слѣдующая:

$2 \cdot x$	$3 \cdot x$	$4 \cdot x$...	$n \cdot x$...	и т. д.
x^2	x^3	x^4	...	x^n	...	"
2^x	3^x	4^x	...	n^x	...	"
22^x	33^x	44^x	...	nn^x	...	"
...

Тутъ, въ первой строкѣ, равно какъ и въ послѣдующихъ,—бесконечное множество функций; бесконечно также множество (Menge, multitudo, ensemble) строкъ. Однако, какъ типы каждой изъ строкъ, не смотря на свое возрастаніе, не достигаютъ наименьшаго изъ типовъ строки послѣдующей, такъ же точно и вся скѣла типовъ, строимая по объяснен-

$$ax = 1 + \frac{la}{1}x + \frac{l^2a}{2!}x^2 + \frac{l^3a}{3!}x^3 + \frac{l^4a}{4!}x^4 + \dots + \frac{l^{2m}a}{2m!}x^{2m} + \dots + \frac{l^{2m+n}a}{(2m+n)!}x^{2m+n} + \dots + \text{и т. д.},$$

гдѣ la есть натуральный логарифмъ отъ a , а l^2a , l^3a ... и т. д.—степени его. Отсюда слѣдуетъ, что написанный рядъ состоѣтъ изъ бесконечнаго агрегата функций, подобныхъ yz , но съ тою только разницей, что при степеняхъ x есть нѣкоторые коэффициенты, и что степени x идутъ все возрастая. Поэтому, какъ бы ни было велико $2m$ —показатель степени итерированной m разъ функции степенной x^2 , всегда можно найти въ написанномъ агрегатѣ степеней такой членъ, у котораго показатель степени $(2m+n)$ больше, нежели $2m$. Отсюда слѣдуетъ, что, какъ бы ни былъ великъ порядокъ величины x^{2m} , всегда въ числѣ слагаемыхъ (элементовъ) ax найдутся такие, порядокъ которыхъ еще больше, т. е. типъ возрастанія ax превосходитъ типъ всякой функции x^{2m} и, слѣдовательно, ax является функцией съ бесконечностью высшей породы, трансцендентной для бесконечности функции x^2 .

1) Вл. Даль, „Пословицы русскаго народа“. Изд. третье. 1904, СПБ и М. Т. 5, стр. 21—31.

ному принципу безпредѣльно далеко и не имѣющая наивысшаго типа, потому что послѣ каждого, сколь угодно далеко стоящаго типа, имѣется другой, еще большій,—вся она не достигаетъ типовъ функций, образованныхъ по инымъ законамъ. Нѣтъ наибольшей породы безконечности, и нѣтъ даже метода строительства, позволяющаго достаточно большимъ рядомъ шаговъ подойти ко всякому типу. — Это—приблизительная формулировка знаменитой теоремы Поля дю Буа Реймона, и намъ необходимо тщательнѣе вникнуть въ ея смыслъ¹⁾.

IV.

Пусть имѣются функции $f(x)$ и $g(x)$ переменного x . Мы рассматриваемъ ихъ внутри извѣстной области измѣненія x , т. е. для всѣхъ значений x , которые заключены между числами a и b ; въ частности это могутъ быть 0 и ∞ . Помѣрѣ возрастанія x и приближенія его къ верхнему предѣлу b , функции $f(x)$ и $g(x)$ стремятся къ безконечности. Тогда отношеніе $\frac{f(x)}{g(x)}$, съ возрастаніемъ x , можетъ вести себя различно.

1°, Оно можетъ безпредѣльно убывать. Тогда мы скажемъ, что типъ возрастанія функции f менѣе, чѣмъ типъ возрастанія функции g , и символически напишемъ: $f < g$.

2°, Оно можетъ безпредѣльно возрастать. Тогда имѣемъ случай обратный, и $f > g$.

3°, Оно можетъ быть постояннымъ или мѣняться, всегда оставаясь конечнымъ. Тогда типы возрастанія, какъ говорить, равны, что символически обозначается: $f \mathcal{O} g$.

¹⁾ Считаемъ неумѣстнымъ приводить здѣсь математическую литературу по данному вопросу, т. к. это заняло бы безъ нужды слишкомъ много мѣста. Указанія по ней можно найти у Шёнфлисса въ *Encyklopädie der mathematischen Wissenschaften*, редактируемой Мейеромъ, Бургартомъ и др. (см. II A113, I A517 и др.). Особенно, см. *Mathemat. Annalen*, 8 (1875), р. 363 и 11 (1877), р. 149, гдѣ помѣщены статьи дю Буа Реймона. Суммарное изложеніе у Бореля (*Leçons sur la théorie des fonctions*, р.р. 111—122). Маленькая замѣтка на ту же тему помѣщена Борелемъ въ *Revue philosophique*, XL VIII, 1899, р.р. 383—390. *A propos de l'«infini pourvu*"). См. также Е. Борель, *Leçons sur les séries à termes positifs*. Читатель, знакомый съ литературой предмета, замѣтимъ, что мы нѣсколько расширяемъ понятіе о типѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смыслъ дю-буа-реймоновской теоремы; въ то же время упрощается ходъ доказательства.

4⁰, Наконецъ, можетъ случиться, что отношение $\frac{f(x)}{g(x)}$ не стремится ни къ какому предѣлу, дѣлаясь, съ возрастаніемъ x , воинобразно то безконечностью, то убывая до нуля, и таکъ для всякой области, выдѣленной около b .

Первые три случая, гдѣ типы возрастанія сравнимы, соответствуютъ выставленнымъ въ § III условіямъ; они намъ особенно важны т. к. можно расположить соотвѣтственныя функціи въ нѣкоторую скѣлу, привести въ систему, выстраивая „по величинѣ“ типа возрастанія, въ ранговомъ порядкѣ.

Примѣры такихъ строчекъ или скѣлъ мы имѣли выше. Мы строили ихъ итераціей опредѣленныхъ дѣйствій. Но легко доказывается, что всякая операциѣ ψ , повышающая типъ возрастанія x при получениіи изъ него $\psi(x)$, можетъ, при помощи итерацій, создать скѣлу типовъ. Поэтому такая скѣла, такая лѣстница типовъ въ общемъ видѣ можетъ быть представлена такъ:

$$\psi(x) \quad \psi[\psi(x)] \quad \psi[\psi[\psi(x)]] \dots \quad \text{и т. д.}$$

или, проще:

$$\psi(x) \quad \psi\psi(x) \quad \psi\psi\psi(x) \dots \quad \text{и т. д.}$$

или, наконецъ, совсѣмъ сокращено:

$$\psi_1(x) \quad \psi_2(x) \quad \psi_3(x) \dots \quad \text{и т. д.}$$

У этихъ строчекъ нѣть послѣднихъ членовъ,—нѣть максимального типа. Однако, легко построить и продолженіе ихъ въ обратную сторону, такъ что получатся строки, не имѣющія первого, наименьшаго члена. Доказывается, именно, что если замѣнить операциѣ ψ ей обратной¹), ϕ , то, итеративно примѣняя ее къ x и къ послѣдовательно получаемымъ результатамъ, мы получимъ все меньшіе и меньшіе типы возрастанія. По отношенію къ функціи a^x , на примѣръ, обратной будетъ функція Lg_x , т. е. логарифмическая. Итакъ, можно получить еще скѣлу типовъ такую:

$$\text{и т. д.} \quad \dots \quad \phi\phi\phi(x) \quad \phi\phi(x) \quad \phi(x)$$

или, сокращеннѣе,

$$\text{и т. д.} \quad \dots \quad \phi_3(x) \quad \phi_2(x) \quad \phi_1(x),$$

при чмъ каждый послѣдующій типъ болѣе предыдущаго.

Производя итерацію 1, 2, 3, 4, ..., n , ... и т. д. число разъ

¹⁾ На примѣръ: сложеніе—вычитаніемъ, умноженіе—дѣленіемъ, потенцированіе (возведеніе въ степень) — раднцированіемъ (извлечениемъ корня) и т. п.

сподрядъ, мы тѣмъ самымъ приписываемъ нумера построенымъ функциямъ или, иначе, сосчитываемъ ихъ. Итеративно полученная группа функций безконечна (потому что нѣть послѣдняго числа, а потому нѣть и послѣдней, ему соотвѣтствовавшей бы функции: послѣ всякой функции можно построить хотя бы еще одну, типа высшаго). Но за сказанную возможность установить соотвѣтствие нашего ряда съ рядомъ натуральныхъ чиселъ 1, 2, 3,... n ,... и т. д., наша скѣла получаетъ название счетовой (abzählbar, dénombrable).

Вообще, счетность (Abzählbarkeit) группы опредѣляется тѣмъ признакомъ, что возможно перенумеровать всѣ члены ея, такъ чтобы каждому соотвѣтствовало одно изъ чиселъ ряда: 1, 2, 3... и т. д. Итерація—не единственный способъ создавать счетовую скѣлу возрастающихъ типовъ; существуетъ еще сколько угодно иныхъ способовъ. Поэтому мы не станемъ, въ условіяхъ теоремы Поля дю Буа Реймона, опредѣлять, какъ именно получена группа восходящихъ типовъ, расположенныхыхъ, по прежнему, такъ, что каждый предыдущій имѣеть послѣ себя болѣшій, непосредственно за нимъ слѣдующій, въ виду чего можно написать:

$\varphi_1(x) < \varphi_2(x) < \varphi_3(x) < \dots < \varphi_n(x) < \dots$ и т. д.;
сокращенно—[φ]. Но мы только отмѣтимъ счетность этой группы. Это уже достигнуто тѣмъ, что типамъ приписаны нумера: чѣмъ болѣе нумерь, тѣмъ болѣе типъ.

Пусть же стремливость къ безконечности (если читатель разрѣшилъ такой оборотъ) у функции связана съ нумеромъ ея по какимъ угодно законамъ, такъ что лѣстница типовъ сама идетъ вверхъ какъ угодно быстро. Но, по какимъ бы законамъ мы ни строили этотъ безконечный рядъ, какимъ бы принципомъ созданія его ни руководились, все равно невозможно построить его такъ, чтобы нѣкоторая, произвольно выбранная, возрастающая функция $\Psi(x)$ непремѣнно имѣла свой типъ менѣе, чѣмъ какой-либо изъ типовъ группы, нами построенной; другими словами, невозможно отыскать скѣлу типовъ восходящую такъ быстро, чтобы членъ достаточно далеко стоящій въ ней, непремѣнно перегналъ любой типъ Ψ ,—чтобы для всякаго Ψ имѣло мѣсто неравенство $\Psi(x) < \varphi_n(x)$ при достаточно великомъ n . Это и есть **теорема дю Буа Реймона** въ ея отрицательной формѣ. А въ положительной

она выражается такъ: если данъ какой угодно счетовой рядъ возрастающихъ функций, образующихъ скалу $\{\varphi\}$, то можно на самомъ дѣлѣ найти возрастающую функцию $\Psi(x)$ такую, что $\Psi(x) > \varphi_n(x)$, какъ бы ни было велико n .

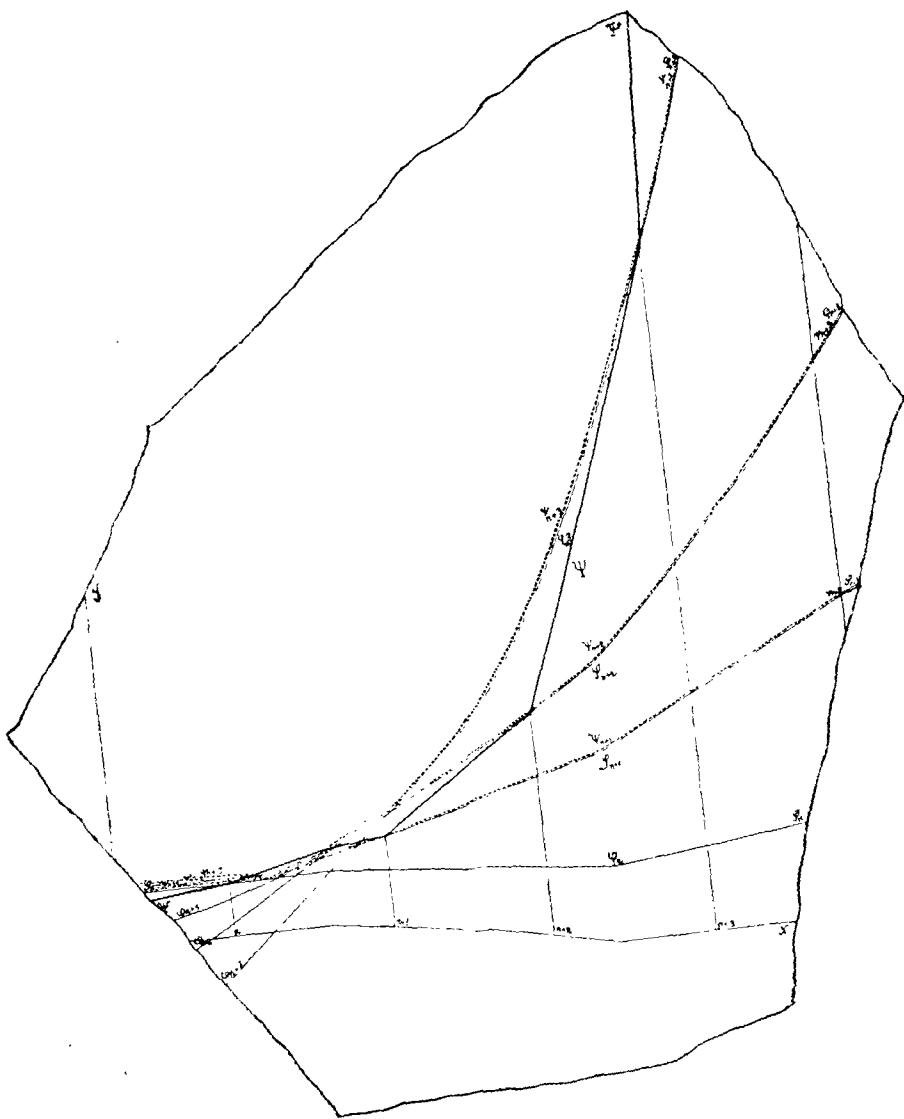
Мы видѣли, что нѣтъ и не можетъ быть наибольшаго типа возрастанія. Но этого мало: теорема дю Буа Реймона говоритъ, что нельзя дать даже общаго метода, слѣдяя которому можно было бы подойти къ любому типу, хотя бы методъ давалъ возможность создавать все большия и большия типы, продолжать скалу далѣе и далѣе, и, при томъ, подымающуюся вверхъ произвольно быстро. Каковъ бы ни былъ типъ, всегда имѣется типъ болѣйшій его, т. е. развитіе трансцендентное по сравненіи съ даннымъ. Но, кроме того, каковъ бы ни былъ методъ стройки возрастающихъ типовъ, всегда найдутся типы трансцендентные даже для данного метода, хотя и позволяющаго отыскивать безчисленное множество типовъ, восходящихъ по скалѣ какъ угодно быстрой.

Доказательство, данное дю Буа Реймономъ, идетъ *ab esse ad posse*¹⁾. Оно показываетъ, именно, что пользуясь самыми рядомъ $\{\varphi\}$ руководствуясь его свойствами, мы можемъ на самомъ дѣлѣ построить функцию $\Psi(x)$, обладающую искомымъ свойствомъ быть по своему типу болѣе всякаго типа $\varphi_n(x)$, какъ бы ни было велико n . А т. к. мы исходимъ при этомъ построеніи ихъ свойствъ ряда $\{\varphi\}$, нами же установленнаго совершенно произвольно, то отсюда будетъ слѣдоватъ, что полученное построеніе возможно при всякому рядѣ, каковъ бы онъ ни былъ, чѣмъ теорема будетъ доказана. Мы не имѣемъ возможности развить здѣсь это доказательство, но на геометрической схемѣ пояснимъ, въ чёмъ дѣло.

Откладывая, какъ это дѣлается на діаграммахъ, вдоль нѣкоторой линіи OX , начиная²⁾ отъ точки O , то или другое значение x (черт. 1), а на перпендикуляре къ OX , возстановленномъ изъ конца отложеннаго отрѣзка, соотвѣтствующее

¹⁾ Методъ, широко использованный въ современной осново-положительной математикѣ, на примѣръ въ теоріи группъ, въ теоріи функций, въ теоріи чиселъ и т. д.

²⁾ По недостатку мѣста на черт. 1 изображенъ только кусокъ оси OY . Начало координатъ O не помѣстилось въ предѣлахъ чертежа, равно какъ и точки a и b .

Черт. 1

значеніе y , тѣмъ самыи мы отмѣтимъ нѣкоторую точку, характеризующую своимъ положеніемъ на плоскости состояніе функції y при данномъ значеніи x . Кривая, какъ геометрическое мѣсто такихъ точекъ, изображаетъ законъ, связующій x и y , — функцію. Пріемъ этотъ („методъ координатъ“) слишкомъ хорошо известенъ изъ всевозможныхъ статистическихъ и метеорологическихъ діаграммъ, чтобы стоило на немъ останавливаться.

Безпредѣльное возрастаніе функції представится въ видѣ безпредѣльного подъема кривой, а типъ возрастанія охарактеризуется стремительностью этого подъема по мѣрѣ приближенія къ быстринѣ b . Чѣмъ болѣе типъ, тѣмъ стремительнѣе подъемъ соотвѣтствующей кривой. Въ виду этого понятно, что если типъ φ_{n+1} болѣе типа φ_n , то это не значитъ еще, что самая функція $\varphi_{n+1}(x)$ для всякаго x сама болѣе функціи $\varphi_n(x)$; нѣтъ, она можетъ быть и меньше (тогда кривыя пересѣкаются), но послѣ извѣстнаго значенія x , достаточно близкаго къ b , функція $\varphi_{n+1}(x)$ будетъ болѣе. [Замѣтимъ однако, что этотъ пунктъ пересѣченія въ опыта можетъ не быть даннымъ. Можетъ, онъ наступилъ бы, если бы жизнь развивающихся личностей не была прервана, смертью на примѣръ, и, не смотря на это, все же типъ φ_{n+1} будетъ болѣе типа φ_n . Меньшій же по типу иногда всю жизнь мнѣмо торжествуетъ надъ болѣшимъ по типу, но меньшимъ по фактически данному значенію]. А въ геометрической интерпретаціи это представится тѣмъ, что, послѣ извѣстнаго мѣста, кривая, имѣющая болѣшую стремительность подъема (φ_{n+1}) окажется надъ кривой съ меньшей стремительностью (φ_n).

Итакъ, пусть у насъ построена система безконечнаго множества кривыхъ $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n, \dots$ и т. д., подымающихся все стремительнѣе и стремительнѣе къ безконечности; на чертежѣ 1 представлены только четыре изъ нихъ: $\varphi_n, \varphi_{n+1}, \varphi_{n+2}, \varphi_{n+3}$. Задача наша — пояснить, что можно, на основаніи ихъ, построить новую кривую, вздѣмающуюся еще стремительнѣе, т. е. соотвѣтствующую функціи $\Psi(x)$ съ типомъ, не достиженіемъ сколю $\{\varphi\}$. Другими словами, потребно указать, какъ построить такую линію Ψ , которая пересѣкла бы рано или поздно каждую изъ линій семейства $\{\varphi\}$, какъ бы ни былъ великъ ея нумеръ, и подымалось бы при x достаточно близкомъ къ b надъ каждой кривой φ_n , сколь бы ни

было велико n . Возможность описанного построения надо доказать; это не трудно сдѣлать слѣдующимъ образомъ:

Подмѣнимъ прежде всего функции $\varphi_1, \varphi_2, \varphi_3 \dots \varphi_n, \dots$ и т. д. новымъ рядомъ функций, обладающимъ тѣмъ свойствомъ, что каждая предыдущая не только имѣеть типъ меньшій, чѣмъ послѣдующая, но что и значенія ея никогда не болѣе значеній послѣдующей. Предположимъ, первыя n кривыхъ таковыми, что въ разсматриваемой области $a-b$ расположены другъ надъ другомъ, такъ что линіи $\varphi_1, \varphi_2, \dots \varphi_n$ останутся безъ измѣненія; ради симметріи въ обозначеніяхъ мы назовемъ ихъ теперь черезъ $\psi_1, \psi_2 \dots \psi_n$; на чертежѣ онѣ (кромѣ ψ_n) не представлены. Пусть первая линія, не удовлетворяющая этому условію— φ_{n+1} , и она, пересѣкшись въ нѣкоторой точкѣ съ φ_n , подходитъ подъ φ_n , когда x достаточно близко къ a . Построеніе наше начинаемъ съ нея. Съ этой цѣлью проводимъ линію ψ_{n+1} (на чертежѣ—пунктиръ), совпадающую съ φ_{n+1} вправо отъ точки пересѣченія ея съ φ_n , а влѣво отъ этой точки идущую надъ линіей φ_{n+1} и совпадающую съ наивысшей изъ всѣхъ предыдущихъ линій, т. е. съ φ_n . Построивъ ψ_{n+2} , мы приступаемъ къ строикѣ слѣдующей, ψ_{n+3} . До точки пересѣченія ψ_{n+2} съ линіей ψ_{n+1} , она должна совпадать съ φ_{n+2} , затѣмъ располагаться по наивысшей изъ всѣхъ предыдущихъ кривыхъ, т. е. по φ_{n+1} , доходить до точки пересѣченія ея съ φ_n и далѣе ити по этой послѣдней.

Такимъ образомъ, возможность построенія системы кривыхъ $\psi_1, \psi_2 \dots \psi_n, \psi_{n+1}, \dots$ и т. д. не подлежитъ сомнѣнію. На чертежѣ онѣ отмѣчены пунктиромъ, и понятно, что лѣвые концы ихъ должны совпасть; чѣмъ болѣе яумера двухъ послѣдовательныхъ кривыхъ, тѣмъ на большемъ протяженіи совпадаютъ соотвѣтствующія кривыя.

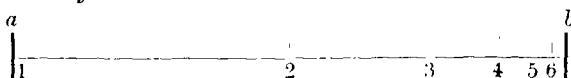
Поступая, какъ описано, съ каждой изъ линій семейства $[\psi]$, мы получимъ новое семейство линій $\psi_1, \psi_2 \dots \psi_n \dots$ и т. д., для которыхъ типы идутъ въ порядкѣ, возрастающемъ съ ихъ яумеромъ, такъ что

$$\psi_1 < \psi_2 < \dots \psi_n < \psi_{n+1} < \psi_{n+2} < \dots \text{ и т. д.}$$

и равны соответствующимъ типамъ семейства $[\psi]$. Но только, вновь-проведенные линіи уже не пересѣкаются другъ съ другомъ, и ни одна изъ нихъ не имѣеть частей, лежащихъ выше, чѣмъ кривая большаго ранга. Иначе говоря, кривая высшаго ранга идетъ или надъ или вмѣстѣ со кривыми всѣхъ предыдущихъ ранговъ.

Если мы покажемъ теперь, что можно построить кривую ψ , пересѣкающую рано или поздно каждую изъ линій семейства $\psi_1, \psi_2\dots$ и т. д., такъ что она подымется рано или поздно надъ каждой изъ линій ψ_n , какъ бы ни былъ великъ ея нумеръ, то этимъ будетъ доказано существование функции $\psi(x)$, типъ возрастанія которой болѣе, чѣмъ типъ возрастанія $\psi_n(x)$, какъ бы ни былъ великъ ея нумеръ n . Но если теорема доказана для функций $\psi_1(x), \psi_2(x)\dots$ и т. д., то тѣмъ болѣе она доказана для функций $\varphi_1(x), \varphi_2(x)\dots$ и т. д., такъ какъ типы возрастанія ихъ соответственно равны, а значенія каждой изъ функций $\varphi_1(x), \varphi_2(x)\dots$ и т. д. либо равны, либо менѣе соответственныхъ значеній функции $\psi_1(x), \psi_2(x)\dots$ и т. д. Поэтому ψ , въ стремлности подъема опережающая рано или поздно каждую изъ функций $\psi_1(x), \psi_2(x)\dots$ и т. д., въ томъ же самомъ мѣстѣ опредѣлитъ тѣмъ болѣе и функцию изъ основного ряда [φ]. Но разъ проведены кривыя $\psi_1, \psi_2\dots$ и т. д., то уже легко построить иско-мое геометрическое ψ .

Съ этой цѣлью возьмемъ на прямой ОХ безконечный рядъ точекъ, накопляющихся (sich hÄufen) около верхняго предѣла b , т. е. все ближе и ближе подходящихъ къ нему, но однако никогда его не достигающихъ, такъ что b является точкою накопленія (Häufungspunkt) взятаго ряда. Такую группу можно получить, на примѣръ, если станемъ дѣлить пополамъ отрѣзокъ $a-b$, потомъ раздѣлимъ пополамъ правую половину его и т. д., каждый разъ обращаясь къ наименьшей изъ частей, лежащей правѣе всего. Ясно, что сколько бы мы ни дѣлили тѣкъ $a-b$, мы никогда не исчерпаемъ его, никогда не получимъ нуля въ результатѣ какого-нибудь дѣленія, а потому и не приедемъ никогда къ точкѣ b , хотя разстояніе до b будетъ дѣлаться меньше сколь угодно малой величины.

Черт. 2.

Занумеруемъ затѣмъ систему точекъ дѣленія, начиная отъ a , въ послѣдовательномъ порядкѣ числами $1, 2, 3, 4, 5, 6, 7\dots$ $n\dots$ и т. д. Нужная намъ группа получена (см. черт. 2).— Въ случаѣ же, если точка b лежить въ бесконечности, то мы возьмемъ точки $1, 2, 3, \dots n\dots$ и т. д. на произвольныхъ конечныхъ разстояніяхъ, хотя бы на равныхъ между со-

бою; такъ именно сдѣлано на черт. 1 ради простоты и изящества построенія.

Въ каждой изъ точекъ сказанной группы возставимъ перпендикуляръ къ ОХ до пересѣченія съ тою кривою семейства $\psi_1, \psi_2, \dots \psi_n, \dots$ и т. д., которая имѣть нумеръ, соотвѣтственный съ нумеромъ точки, такъ что перпендикуляръ въ 1-ой точкѣ пересѣчется съ ψ_1 , во 2-ой—съ ψ_2 и т. д.; и вообще, перпендикуляръ въ n -ой точкѣ пересѣчется съ ψ_n , въ $(n+1)$ -ой—съ ψ_{n+1} и т. д. Принимая далѣе начертанные прямые за ординаты, соединимъ концы ихъ ломанной линіей. Это и будетъ искомое геометрическое мѣсто Ψ . Изъ чертежа 1 видно, что вправо отъ n -ой изъ проведенныхъ ординатъ все оно, Ψ , цѣликомъ лежить надъ n -ой кривой ψ_n и, тѣмъ болѣе, надъ φ_n , ибо переходитъ отъ точки, лежащей на этой кривой или надъ нею, къ точкѣ, завѣдомо находящейся надъ этой кривой,—къ точкѣ кривой ψ_{n+1} .

Разъ такъ, то послѣ всякаго x , достаточно близкаго къ b , именно послѣ x , опредѣляемаго n -ой точкой, ломанная Ψ подымается вверхъ круче, чѣмъ всякая кривая семейства $\{\varphi\}$, до n -ой включительно, и это—такъ, какъ бы ни былъ великъ нумеръ кривой φ_n . Поэтому ясно, что ни про какую функцию $\varphi_n(x)$ нельзя сказать, что типъ ея равенъ типу функции $\Psi(x)$, изображаемой посредствомъ геометрическаго мѣста Ψ , какъ бы ни было велико n , т. е.

$$\Psi(x) > \varphi_n(x)$$

при всякомъ n . Это и требовалось доказать.

Подобнымъ же образомъ можно доказать, что какую бы мы ни дали счетовую группу типовъ возрастанія, расположеннную такъ, что каждый послѣдующій типъ менѣе предыдущаго,—всегда найдется типъ меньшій всѣхъ ихъ. Аналогичныя теоремы можно доказать и относительно типовъ убыванія функцій, когда функція стремится, на примѣръ, къ нулю. И тутъ тоже невозможно представить себѣ счетовой группы ихъ, позволяющей превзойти всякий типъ убыванія. Но послѣ сказаннаго читатель и самостотельно можетъ убѣдиться въ правильности послѣдніхъ утвержденій.

$$V^1).$$

Безконечное возрастаніе имѣть свой типъ, т. е. функція стремится къ безконечности по своему, особенно, не такъ,

¹⁾ Читатель, конечно, замѣтитъ и поставитъ на видъ странное, какъ

какъ другая, взятая съ маxу. Правда, имѣются безконечно-многія функції такого же типа, но группа функцій іного типа безконечно мощнѣе, чѣмъ группа—такого же типа. Вѣроятность вытащить изъ группы всѣхъ функцій равнотипную—безконечно мала: функціі, вообще говоря, различны по типу; у каждой—свой обликъ.

Но типъ возрастанія—это „стремливость“ развитія, характеристика стремительности, съ которой раскрывается потенція, или еще—мѣра „всходчивости“ мѣра „растущести“ развивающагося. Она даеть намъ зафиксированную оцѣнку закона, по которому развитіе идетъ далѣе и далѣе, не довольствуясь ни однимъ конечнымъ опредѣленіемъ, отпихивая позади себя пройденная лѣстница.

Въ этомъ смыслѣ, понятіе о типѣ есть по преимуществу религіозное понятіе, а теорема дю Буа Реймона—по преимуществу религіозная теорема: ни въ одной области неумное томленіе по сверх-данному, безудержное стремленіе къ сверх-фактическому—„алчба и жажда правды“, переростающія, а затѣмъ и преобразующія всякую условность, не залегаютъ такъ глубоко,—въ самомъ ядрѣ,—какъ въ области бого-общенія, при послухѣ Абсолютнаго, въ бого-вѣ-

будто, упущеніе: въ статьѣ говорится о духовномъ развитіи, о святости, о совершенствованіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто нарочно замалчиваются та область, где эти понятія играютъ первенствующую роль,—Біблія и свято-отеческія писанія. Объяснимся. Двѣ причины не позволили воспользоваться тутъ этимъ материаломъ, разстилающимся предъ работникомъ мысли какъ цѣлина, не познавшая еще плуга отвлеченной обработки. Во-первыхъ, этотъ материалъ слишкомъ обширенъ, чтобы его вмѣстили размѣры статьи, и слишкомъ цѣненъ, чтобы можно было небрежно вырвать изъ него двѣ-три данные. Во-вторыхъ и главнымъ образомъ, въ указанныхъ источникахъ типы возрастанія рассматриваются динамически, въ возникновеніи ихъ, и разсмотрѣніе ихъ связывается съ ниспосыпаемой благодатью; мы же, въ настоящей статьѣ, имѣемъ дѣло со статикой типовъ, съ данными въ наличной дѣйствительности неравенствами типовъ и рассматриваемъ самые типы и ихъ неравенства, но не причину того и другого. Отсюда дѣлается понятіемъ, что біблейскія и святоотеческія свидѣтельства наиболѣе умѣсто будуть разобрать при изученіи динамики разбираемыхъ нами типовъ, т.е. въ статьѣ „О возрастаніи типовъ“.

Кромѣ того, Біблія и святые отцы большою частью предполагали готовыя религіозныя идеи, догматически идя отъ Бога къ человѣку. Цѣль же нашихъ статей—пропедевтическая, и потому ходъ мысли критической—отъ человѣка къ Богу. Это еще разъ показываетъ, что сейчасъ было бы неудобно пользоваться названными свидѣтельствами.

щихъ трепетахъ и полночныхъ вздрагиваніяхъ души, обнаженной передъ Вѣчностью. Прорывшись достаточно глубоко въ напластованіяхъ души и дойдя до водоносного ея слоя, всѣ другія русла къ безконечности рано или поздно сливаются съ этимъ основнымъ, превращаясь въ єеософію и въ єеургію, или же, при противлениі Абсолютному, въ оккультизмъ и въ магію. То или другое, но непремѣнно что-нибудь. При безконечности стремленій надо считаться положительно или отрицательно со стремленіемъ Безконечнаго, иначе—восторженность полета, рвущая изъ груди крикъ мятежнаго восторга, неумолимо сминается тупымъ, устальнымъ бормотаніемъ: „довольно, довольно“, а жажды—тяжелыми позывами все-брезгливости.

Но мы отклонились отъ прямой задачи.—Этотъ по преимуществу религіозный характеръ разсмотрѣнной теоремы дѣлаетъ типъ, быть можетъ, самою личною изъ всѣхъ логическихъ характеристикъ личности,—всесфѣро не исчерпываемой, понятное дѣло, никакими признаками; но изъ всѣхъ ихъ наиболѣе глубиннымъ представляется этотъ.

Характеръ подъема, стремительность воспаренія вовсе не даетъ еще понятія о достигнутой высотѣ; равно-стремливыя функціи, т. е имѣющія одинаковые типы, могутъ весьма разнится по величинѣ, одна—можетъ на много уprzedить другую. Но, чѣмъ далѣе идетъ развитіе, чѣмъ выше восходящія кривыя, тѣмъ болѣе уничтожается это упрежденіе въ конечномъ, тѣмъ безповоротнѣе меркнетъ это конечное преимущество предъ отблескомъ безконечной цѣли, свѣтящей дорогу имъ обѣимъ одинаково. И, въ предѣлѣ, эта разница перестаетъ быть разницей. Работники, обрядившіяся рано по утру, какъ и позванные въ шестой, девятый и одиннадцатый часъ, получаютъ по-равну, когда приходитъ вечеръ. Напрасно ропщутъ тѣ, которые пришли ранѣе: всѣ они получили справедливо, такъ какъ всѣ устремлялись къ Идеалу по одному закону, имѣли одинаковый характеръ работы, одинаковый типъ, какъ одинаковый типъ имѣютъ какія-нибудь функціи:

$$y_1=x^2, \quad y_2=x^2+10, \quad y_3=x^2+10^{10}, \quad y_4=x^2+10^{10^{10}}$$

хотя, для каждого данного x , значенія ихъ весьма различны. Вѣдь не за „сдѣланное“, не за конечный резуль-

тать дѣятельности получаютъ работники безконечную плату—полноту бытія, а за порываніе въ высъ, за жажду безконечнаго; она же одинакова у всѣхъ ихъ.

Но—болѣе того. Если типы у возрастающихъ не равны, то у имѣющаго большій типъ можетъ быть въ данный моментъ полное ничтожество въ проявленіи предъ носителемъ нисшаго типа, дѣтское обнаруженіе своихъ потенцій. Но пусть оба подойдутъ къ своимъ быстринаамъ. Духъ, болѣе восходчивый по своей природѣ, расправить крылья, и далеко внизу останется ползущій по тропинкѣ.

Можетъ быть, измѣненіе типа (паденіе личности)¹⁾ или смерть прервѣтъ его развитіе задолго до того, какъ онъ сравняется съ другимъ, въ проявленіи превзошедшімъ, въ типѣ превосходимымъ имъ. Можетъ быть, кривая судьбы его оборвется до пересѣченія съ кривою другого. Можетъ, подвигу,—орбитѣ его,—не суждено дойти до крутизны. Можетъ быть, всю жизнь будетъ величаться надъ нимъ съ надменной высоты личность нисшаго типа. Однако внутренній нервъ всей дѣятельности, жаръ духовнаго горѣнія у него качественно болѣе цѣненъ, чѣмъ у другого: идеалы и законы стремленія къ идеаламъ различны²⁾.

Чаще же всего случается, что личности разныхъ типовъ приблизительно равны по достигнутой ими высотѣ. „Дѣянія“ видитъ и охотно признаетъ почти всякой, потому что этотъ

¹⁾ Это предположеніе чисто-формальное, для поясненія мысли; реальнаго же смысла пока мы не можемъ видѣть въ немъ.

²⁾ Пояснимъ это аналогіей біологическаго развитія. „Роды“ и „виды“ въ біологии нѣсколько напоминаютъ породы и порядки безконечностей въ математикѣ. Особи разныхъ „родовъ“ или разныхъ „видовъ“ въ своемъ онтогенезѣ (развитіе особи) повторяютъ фазы филогенеза (развитіе рода) и потому до извѣстнаго момента своей угробной жизни оказываются неразличными; пути ихъ развитія до поры до времени идутъ вмѣстѣ. Только впослѣдствіи они расходятся между собою все болѣе и болѣе, устремляясь въ совершенно различнымъ цѣлямъ, подобно кривымъ ψ_1 , ψ_2 , $\psi_3\dots$ ψ_n т.д. (§ Ш), при чемъ одни пути идутъ совмѣстно иа болѣе долгомъ протяженіи, другіе—на менѣе долгомъ.

Но мало того; въ то время какъ мѣсячный котенокъ живетъ уже болѣе или менѣе самостоятельнокъ жизнью, параллельно ему развивавшійся ребенокъ все еще остается не родившимся кускомъ мяса. А когда ребенокъ родился и беспомощно и безмысленно коношится въ пеленкахъ, котенокъ готовъ уже превратится въ кошку. Но проходить годы, и выросшій ребенокъ превращается въ организмъ, неизмѣримо превосходящій кошку.

„гардеробъ старыхъ одѣждъ“, какъ выражался Гейне, понятъ и безъ смиренія. Но трудно, очень трудно для человѣческой гордости признать высоту типа въ другомъ человѣкѣ и особенно, если за послѣднимъ не числится ни плаща, ни эфектныхъ моментовъ жизни, — дѣла наживного и потому всегда достижимаго, по крайней мѣрѣ въ отвлеченной возможности, для каждого и, слѣдовательно, не столь колющаго самолюбіе.

„Говорится, — замѣтилъ Карлейль —, что никто не можетъ быть героемъ передъ своимъ слугою, — и это справедливо. Но вина въ этомъ дѣлѣ заключается столько же въ слугѣ, сколько и въ героѣ, потому что для простыхъ глазъ, какъ извѣстно, многія вещи имѣютъ только тогда значеніе, когда они не отдалены. Людямъ чрезвычайно трудно убѣдиться, что человѣкъ, простой человѣкъ, бьющійся въ потѣ лица своего о бокъ съ ними изъ за жалкаго существованія, созданъ изъ лучшаго матеріала, чѣмъ они“¹⁾.

Было бы неумѣстно разбирать здѣсь гносеологическій вопросъ о познаніи личности. Но беря (покуда) таковое, какъ фактъ, мы можемъ сказать: въ каждомъ конечномъ проявленіи личности отражается какъ-то еще и законъ, типъ роста, поэтому самое проявленіе дѣлается символомъ, освящаясь трепетными вспышками идеала. Эти-то мерцанія и производятъ соотвѣтственная качественныя разницы въ дѣйствіяхъ-символахъ, заставляя одинаковое выsvѣчивать по разному. Уже въ искусствѣ, гдѣ замыселъ неотдѣлимъ отъ формы, и потому совершенство выполненія значитъ очень много, различіе типовъ развитія бросается въ глаза. Неопытная рука ребенка - Моцарта²⁾ даетъ понять, что передъ нами первыя ступени возрастанія, происходящаго по типу высшему, чѣмъ музыкальное развитіе какого-нибудь, по своему ушедшаго далеко, Сальери, не говоря уже о таперѣ. Въ области же нравственной дѣятельности, гдѣ значение результата минимально, это еще очевиднѣе: чуть замѣтное дуновеніе „милости“ безконечно цѣннѣе величайшей „жертвы“: движение любви, отъ полноты внутренняго содерянія, каче-

¹⁾ Историческіе и критическіе опыты Томаса Карлейля. Пер. съ англ. М. 1878: стр. 348. Изъ статьи „Робертъ Борисъ“.

²⁾ Случай послѣ посѣщенія папской капеллы. [См. Карпентера „Физиология ума“].

ственю выше справедливости,—движения отъ недостаточности. и „лепта вдовицы“ порою пріобрѣтаетъ значение большее, чѣмъ несомнѣнное „благодѣяніе всему человѣческому роду“.

Но тамъ, гдѣ проявленія сами по себѣ не обозначаютъ ничего, тамъ гдѣ начинается мистическое единеніе съ личностью, гдѣ неуловимые для стороннихъ полу-тоны выраженій и невольныя движения тѣла съ очевидностью отражаютъ тончайшія внутреннія волненія личности, гдѣ личность обнажается отъ всего явленнаго, — тамъ мы сталкиваемся порою съ такими пропастями въ типахъ, что съ превозмогающею яркостью побѣдно рвется наружу различіе породъ: уже не о порядкахъ безконечностей, а о породахъ ихъ приходиться задуматься ослѣпленному отъ потоковъ свѣтозарности сознанію. Не обѣ этомъ ли говорилъ поэтъ:

Есть рѣчи—значеніе
темно иль ничтожно,
но имъ безъ волненія
внимать невозможно...

иихъ многіе слышать,
одинъ понимаетъ..
Лишь сердца роднова
коснутся въ дни муки
волшебнаго слова
цѣлебные звуки,
душа ихъ съ моленемъ
какъ Ангела встрѣтить,
и долгимъ біенемъ
имъ сердце отвѣтить.

Если личности одной породы, то между ними возможны еще сопоставленія, хотя бы типы ихъ были различны, хотя бы онъ грезили о безконечностяхъ разныхъ порядковъ. Правда, одна безконечность превосходитъ другую „въ безконечное число разъ“, т. е. такъ, что разница между ними сама дѣлается безконечною въ предѣлѣ. Но каждая изъ этихъ личностей разумѣеть, какіе конечные процессы (итерация, на примѣръ) необходимы были бы для уравненія ихъ типовъ. Мало того, каждый можетъ представить безконечный рядъ все болѣе и болѣе высокихъ типовъ, и всѣ они не разнятся отъ его собственного типа настолько глубоко, чтобы нельзя было мысленно подойти къ нему. Но въ какія бы выси ни вель данную личность ея подвигъ, какъ бы

далеко ни заходила она по своей траектории, какъ бы ни грезила о новыхъ путяхъ развитія, все болѣе высокихъ типовъ, — при столкновеніи съ личностью иной породы она ясно видитъ, что не въ ея власти стремиться къ безконечности этой породы,—не только въ дѣйствительности, но и въ мечтѣ. Фантазія безусловно отказывается представить личности, какъ бы она выглядела, стремясь къ безконечности иной породы. И однако, живое воплощеніе такого не-вообразимаго и неизреченаго для нея типа совершенствованія она видитъ и осознаетъ въ близкомъ себѣ, въ живущемъ съ нею,—въ братѣ, провосходство котораго она ясно чувствуетъ, совершенно не умѣя разсудочно понять.

Напрасно появилась бы въ движениі ея уторопленность. Напрасна нервическая напряженность и вскидыванія, напрасно метаніе и само-мучительство, напрасно надсаживаніе и надмоганіе себя,

Напрасно духъ о сводѣ желѣзный
стучится крыльями скользя,—
онъ все одинъ, надъ той же бездной,
участь въ соседнюю нельзя... (В. Брюсовъ).

Желѣзныя рельсы проложены несокрушимо, и не сойти личности своими усилиями на новую орбиту: личность можетъ только замедлять или ускорять движение на ней, тѣркомъ пронестись по полотну своему или застыть въ штильной сонливости. И, озираясь на лучезарный блескъ брата, завидѣвъ рядомъ съ собою потенцію безконечности другой породы,—друга, который идетъ „съ ясной улыбкой на милыхъ устахъ“ (А. Бѣлый),—спокойно, ровно, неизмѣнно переходя „отъ мѣры въ мѣру“, она сознается, какъ пораженная молнией, скудость свою и богатство другого. И, будто споря съ собою, будто все еще не вѣря себѣ, сотни разъ она повторяетъ фетовское „невозможно, несомнѣнно“, пока ни убѣдится окончательно. Тогда тотъ, кто

въ упорной думѣ сердцемъ бѣденъ (А. Блокъ),

съ протестомъ или со смиреніемъ сознается, что надрывомъ не возьмешь, и вспоминаются ему слова: „кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть“. Не то, чтобы усовершеніе не было въ его власти. Тутъ онъ свободенъ. Но перейдти собственными усилиями къ иному закону усовершенія, стремиться къ безконечности высшей

породы—это такъ же невозможно для него, какъ невозможно для него изъ суммы нулей составить конечную величину, какъ невозможно изъ какихъ угодно грудь сухого песку выжать холодную каплю влаги. Въ лучшемъ случаѣ получится то, что Фр. Ницше называлъ „обезьяною идеала“¹⁾. Свобода—въ движеніи по траекторіи, но не въ созданіи произвольной новой,—въ предоставляемемся въ извѣстные моменты выборѣ одной изъ данныхъ траекторій, но не въ произвольной смѣнѣ ихъ²⁾.

Но не будучи въ состояніи даже понять высшую породу въ другомъ, онъ всѣмъ сердцемъ чуетъ ее, воспринимая, какъ святость. Доброта и великодушіе, отрѣщенность отъ себя любія и безкорыстіе, величіе духа и скромность, глубокій умъ и творчество, подвиги и мученичество, какъ бы все это ни было велико, но его не достаточно еще для созданія высшей породы. Никакою, сколь угодно высокою степенью совершенства, добродѣтели, высоты духа и т. п. святость, хотя бы самая минимальная, не достигается: она трансцендентна для всего только-человѣческаго, и мы безусловно не въ состояніи даже мысленно построить образъ того, которой святъ въ сравненіи съ нами. Мы можемъ только переживать святость, относясь къ ней, какъ къ факту, воспринимать ее, открываясь на встрѣчу ея воздействиі; мы можемъ склонять колѣни предъ нею, въ несказанной радости плакать и благоговѣть предъ нею, или же, наоборотъ противиться ей. Но мы не въ силахъ анализомъ ухватить ея суть, не въ состояніи изъ себя вообразить ее:—послѣднее осо-

¹⁾ „Слова разочарованнаго.—Я искалъ великихъ людей и всегда находилъ только обезьянъ ихъ идеала“ (Ницше, Помраченіе кумировъ, Афоризмы и стрѣлы, 39).

²⁾ До сихъ поръ, въ разсужденіяхъ объ изслѣдуемой функціи, мы отвлекались отъ наличности въ ней „произвольнаго параметра“, волевого напряженія—точнѣ, предполагали его опредѣлившимся и постояннымъ, достигшимъ своего максимума. Принимая во вниманіе и его, мы должны сказать, что измѣненіе волевого параметра деформируетъ траекторію, какъ бы заставляя время сжиматься или растягиваться, течь быстрѣе или медленнѣ. Но, какъ ни мѣняется параметръ, типы возрастанія соответствующаго семейства всегда имѣютъ типы трансцендентные для себя. Это видно изъ доказанной теоремы (хотя группа линій семейства имѣть мощность большую, чѣмъ счетовая), т. к. волевое усиленіе измѣняетъ типъ всегда въ одномъ смыслѣ.

бенно ясно сказывается на неуспѣхѣ въ созданіи творческою фантазіей „идеальныхъ типовъ“. Поэтъ долженъ быть бы оперировать съ тѣмъ, что для него трансцендентно, или же испытать въ реальномъ переживаніи изображаемое имъ.

Но тамъ и тутъ въ потокѣ исторіи сверкнетъ порою образъ высшаго тина. Я сейчасъ не хочу говорить ни о пророкахъ, ни о „Величайшемъ между рожденныхъ женами“, ни, тѣмъ болѣе, о „Честнѣйшей херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія серафимъ“. Все это, по своей серіозности, требуетъ особаго разсмотрѣнія, какъ особаго разсмотрѣнія требуетъ и Представитель абсолютнаго типа, Воплощеніе Абсолютной Безконечности—Господь Иисусъ. Образы Франциска Ассизскаго, Серафима Саровскаго или Амвросія Оптинскаго, думаю, достаточно намекаютъ, что такое человѣкъ высшаго типа, что такое „Ангель во плоти“. А болѣе конкретно—хорошо передаетъ свои впечатлѣнія отъ Оптинскаго Старца (прототипа, для старца Зосимы изъ „Брат. Карамазовыхъ“) одна особа.

„Объ о. Амвросіи,—пишетъ она, — я ничего прежде не знала, и только наканунѣ встречи съ нимъ слышала, что въ Скиту есть Іеромонахъ о. Амвросій, который часто боленъ и рѣдко выходитъ изъ Скита и который очень ученый. Больше ничего не знала и понятія о монастырской жизни, полученнаго въ миру, были самыя неясныя. Итакъ, мое впечатлѣніеничѣмъ не было подготовлено.—Я увидѣла его подлѣ Скита въ старой старенькой накидкѣ, съ палочкой въ рукахъ. Онъшелъ легко и имѣлъ видъ совсѣмъ не такой, какъ другіе монахи,—онъ шелъ, казалось мнѣ, не касаясь земли.—Я была сзади его; но онъ вдругъ обратился въ нашу сторону и благословилъ меня. Впечатлѣніе моего сердца было такое, что это должно быть духъ Ангела во плоти. Я не одного слова ему не сказала.

„Все, что до сихъ поръ напечатано было объ о. Амвросіи, меня совсѣмъ не удовлетворяетъ; впрочемъ, полагаю, что меня никогда ничто не удовлетворить, хотя бы потому, что теперь еще очень многаго нельзѧ о немъ писать... Что вы скажете, или какъ выразите чувства того, кто лично пришелъ къ Старцу съ негодующимъ помысломъ на него самого, въ мучительномъ раздумьѣ, какъ бы препобѣдить себя, чтобы высказать ему этотъ самый помыслъ свой? Что вы скажете, если ста-

¹⁾ См. „Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева Скита. Вновь составленное Е[растомъ] В[ыторискимъ] издавае Оптиной Пустыни. Серг. Гавра 1902, Стр. 119.

рець самъ избавилъ отъ этого непріятнаго чувства— пересказа такого помысла; встрѣтивъ меня, онъ улыбнулся и положилъ свою руку себѣ на голову, изображая кающагося человѣка! Такія таинственные душевныя движенія, эту жизнь душъ никакъ не возможно положить на бумагу".

Подобныхъ разсказомъ объ о. Амвросії, какъ и о преп. Серафимѣ—множество. На удачу выбираю одинъ изъ нихъ,— разсказать о. Іоасафа¹⁾, попросившаго святого разсказать ему о своемъ видѣніи небесныхъ обителей. О. Серафимъ сталъ подготовлять своего ученика, нѣсколько разъ повторилъ: „радость моя! молю тебя, стяжи мирный духъ!“, „и въ слѣдъ за этимъ,— пишетъ самовидецъ,—въ неизобразимой радости, съ усилемъ голоса сказалъ: „вотъ, я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ“: и потомъ, понизъ свой голосъ, продолжалъ: „я усладился словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говорить: *въ дому отца моего Обители мнози суть* (т. е. для тѣхъ, которые служать Ему, и прославляютъ Его святое Имя). На этихъ словахъ Христа Спасителя я, убогій, остановился, и возжелалъ видѣть оныя Обители, и молилъ Господа моего Іисуса Христа, чтобы онъ показалъ мнѣ эти Обители; и Господь не лишилъ меня, убогаго, Своей милости; Онъ исполнилъ мое желаніе и прощеніе: я былъ восхищенъ. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушалъ, сказать тебѣ не возможно“.

„И съ этими словами отецъ Серафимъ замолчалъ. Въ это время онъ склонился нѣсколько впередъ, голова его съ закрытыми взорами поникла долу. Лице его постепенно измѣнялось, просвѣщалось, на устахъ же и во всемъ выраженіи его была такая радость и восторгъ небесный, что по истинѣ можно было назвать его въ это время земнымъ Ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Во все время таинственнаго своего молчанія, онъ какъ будто созерцалъ что-то съ умиленіемъ, и слушалъ что-то съ изумленіемъ. Но чѣмъ именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знаеть одинъ Господь.

„Я же, недостойный, сподобясь видѣть отца Серафима въ такомъ благодатномъ состояніи, и самъ совершенно забылъ бренный составъ свой въ эти блаженныя минуты. Душа моя отъ одного созерцанія таинственнаго молчанія праведника, и отъ чуднаго свѣта, исходившаго отъ лица его, а равно и отъ всей благоговѣйной непрерываемой типины, была въ такой радости и восторгѣ, какихъ я не ощущалъ въ продолженіе всей своей жизни.

„Праведникъ Божій, по немощи человѣческаго языка, не могъ словами объяснить дивнаго видѣнія своего: за то показа-

¹⁾ Жизнеописаніе Іеромонаха Серафима, написанное Іером. Іоасафономъ (не знаю точнаго заглавія, т. к. первый листъ выдранъ), изд. 2-ое, стр. 66—67. Особенно интересно тѣмъ, что разсказы живые и не подвергнуты обычной житійной дестилляціи.

заль мнѣ его чуднымъ свѣтомъ своего лица и таинственнымъ своимъ молчаниемъ.—“.

Повторяю, что привелъ эти два рассказа на удачу. И въ нихъ, какъ и во множествѣ другихъ сообщеній, унисонно звучить выраженіе „Ангель во плоти“. И такъ же унисонно что-то поеть во всѣхъ подобныхъ повѣстяхъ о непосредственномъ, принудительномъ, такъ сказать, сознаніи, что рассказчикъ столкнулся съ чѣмъ-то качественно новымъ.

„О. Амвросій (Оптинскій),—говорить, какъ разъ по поводу приведенного нами рассказа В. В. Розановъ¹⁾,—принадлежалъ къ тому порядку людей, которыхъ мы назвали бы „озаренными“. Представьте на верху горы людей: раннимъ утромъ свѣтло уже и въ долинѣ, по сѣро-свѣтло, безъ блеска. Все можно видѣть, все ощущать руками можно, не ошибшись. Но фигуры стоящихъ на горѣ свѣтятся не такимъ свѣтомъ, а совершенно особеннымъ, съ блескомъ и игрою. Они „озарены“;—и вотъ если такое физическое озареніе перенести на психологические термины, то мы и получимъ определеніе этихъ людей, „ноги которыхъ не касаются земли“, которые при первомъ на нихъ взглядѣ даютъ впечатлѣніе ангела во плоти и угадываются и знаются, во всякомъ случаѣ, больше обычновенаго. Есть горные люди, есть долинные люди. Констатировали же юристы и медики присутствіе въ человѣчествѣ почти неподлежащаго и леченію „преступнаго типа“. Если есть долина—значить есть гора, гдѣ минусъ—тамъ возможенъ и плюсъ. Историкъ и психологъ можетъ договорить то, что не-договорено юристомъ и медикомъ. Разъ врожденно и неисправимо существуетъ „преступный типъ“, существуетъ столь же недолимо при томъ постоянной составной единицею въ человѣчествѣ „святой типъ“. Принадлежащіе къ нему праведность не приобрѣтаютъ, а имѣютъ. И если врожденный „преступникъ“ имѣетъ печать своего „минуса“ на лицѣ, такъ что антропологи зарегистрировали ихъ въ серіяхъ фотографій, въ обтирочныхъ атласахъ, а при встрѣчѣ мы поражаемся неблагообразіемъ ихъ,—то совершенно слѣдуетъ допустить особенное и мгновенное впечатлѣніе, даваемое лицомъ „врожденного святого“ на зрителя, на встрѣчнаго. Въ разсказахъ о нихъ нѣтъ никакого преувеличенія—“Святой человѣкъ“ есть совершенно обычновенный, но съ плюсомъ у него этого „загробнаго сиянія“, „вѣчной жизни“. Отъ этого онъ производить впечатлѣніе ангела (въ противоположность преступнику)“.

Эта длинная тирада В. В. Розанова приведена не потому, чтобы авторъ соглашался съ теоретическими соображеніями

¹⁾ В. Розановъ. „Около стѣнъ церковныхъ“ 1906 г., Т. II, стр. 121—123 и слѣд. См. также въ „Нов. Вр.“

В. В.; но намъ важно свидѣтельство сторонняго человѣка, также констатирующаго между людьми какую-то качественную, существенную разницу. Но это—явленія чрезвычайныя. Однако человѣкъ высшаго типа не такъ исключителенъ, какъ кажется сперва.

Въ жизни иногда выпадеть счастье соприкоснуться съ человѣкомъ высшаго типа, высшей породы. Для разсудка, можетъ быть, тамъ нѣтъ ничего особеннаго: способности не ослѣпительныя, хотя и выше средняго, умъ и воля сами по себѣ тоже не дали бы ему положенія совершенно исключительноаго. Ни особенной глубины мысли, ни особенной силы творчества или интенсивной дѣятельности не видишь въ немъ. Живеть человѣкъ изо дня въ день, дѣлаетъ, какъ будто то же, что и всѣ, валандается въ обыденномъ. И однако, каждое обыденнѣйшее движение его сопровождается чѣмъ-то почти неуловимымъ и въ то же время осознательнымъ,— чѣмъ-то, что дѣлаетъ движение его качественно отличнымъ отъ движений окружающихъ: невидимый оркестръ аккомпанируетъ чуть слышно каждому дѣйствію. Тѣа и питье, бездѣлье и болтовня—даже это все какъ то одухотворено: Духомъ вѣять отъ него, отъ каждого жеста, отъ каждого слова, хотя онъ этого и самъ не знаетъ, и неизъяснимая свѣжесть приносить съ собою ароматъ „оттуда“, съ благоуханныхъ луговъ Эмпиреи.

...слѣпымъ, а не зрящимъ,
бесмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ:
имъ миль простоты непорочныя дѣвственныи образъ—
и въ скромномъ сосудѣ небесное любить скрываются.
Презрѣніемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ:
свободные силы и гласу мольбы не подвластны.

(Шиллеръ-Жуковскій).

Но послѣ встрѣчи остается неуловимое чувство, такъ быстро тающее, что самому не вѣрится въ только что пережитое:

точно случилось жемчужную нить
подлѣ меня тебѣ врозвъ уронить:
чудную пѣсню я слышаль во снѣ,—
несколько словъ до яву мнѣ прожгло.
Эти слова то ищу я опять
всѣ, какъ звучали они, подобрать...

(Феть).

Съ первого момента встрѣчи, этотъ ароматъ и свѣжесть, эта „голубинная красота“ (А. Блокъ) души чувствуется ясно;

но послѣ, при упорномъ желаніи понять ихъ, при выискиваніи „добродѣтелей“ и „совершенствъ“, обояніе притупляется, сѣрая пелена застилаетъ поле зрѣнія; а далѣе, справедливо не видя особаго въ этомъ отношеніи, невольно начинаешь отрицать и наличность особаго вообще. Только возвращеніе къ прямому опыту и довѣрчивое отношеніе къ непосредственному переживанію вернетъ, при такихъ обстоятельствахъ, величайшее изъ счастій—счастіе касаться міровъ иныхъ черезъ общеніе съ братомъ.

Пусть будетъ красою краса—не завидуй, что прелестъ ей съ неба,
какъ лиліямъ пышность дана безъ заслуги Цитерой;
пусть будетъ блаженна, плѣняя; плѣняйся—тебъ наслажденье.
(Шиллеръ-Жуковскій).

Не ту же ли разницу типовъ отмѣчаетъ другой поэтъ въ этой исторіи:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
роющъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
вокругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
слушали, робко толкаясь межъ сильвановъ и фавиовъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
грустный, онъ трели выводить, но трели земныя!..
горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
здѣсь воспресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
съ взглядомъ насмѣшилымъ слушаютъ нимфы и фавны.
(Майковъ).

VII.

Чтобы не расплываться въ общихъ характеристикахъ, приведу ¹⁾ обрывокъ частнаго письма, конкретно изображающей

¹⁾ Съ разрѣщенія автора, г. И.—Могутъ возразить мнѣ, что данное письмо слишкомъ проникнуто явно-выраженнымъ личнымъ чувствомъ, чтобы придавать значеніе такому документу. Но, соглашаясь съ подобной характеристикой письма г. И., протестую противъ заключенія, и по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, за тономъ, повышеннымъ отъ лич-

интересующія насть переживанія. Понятно, ихъ имѣется не одинъ видъ; но боязнь удлиннить статью заставляетъ ограничиться только слѣдующимъ примѣромъ.

„.....ты спрашиваешь объ Э.—Ничего не смогу написать толкомъ: вѣтется около меня „нечаянная радость“ моя, а какъ бы ее поймать?—Поймай!
это веселый, веселый май... (П. Форъ).

Я видѣлъ его въ слезахъ, когда носилось дыханіе смерти,—видѣлъ радостнымъ и игравымъ, какърасшалившійся котенокъ; слышалъ его голосокъ тоценъкій въ церкви,—слышалъ въ лѣсу, среди стволовъ, обтянутыхъ бѣлымъ атласомъ. При-сматривался къ жизни самой обыденной;—разговаривалъ о самомъ важномъ для меня. Я присутствовалъ, наконецъ, при моментахъ сильнѣйшаго раздраженія и вспышкахъ неудержимаго гнѣва на несправедливость, такъ что разсмотрѣлъ Э. съ разныхъ сторонъ и вынесъ впечатлѣніе не расплывчатое. И всегда, серіозный или брызжущій *divina levitate*—бо-жественнымъ легкомысліемъ, онъ оставался вѣренъ себѣ: всегда довѣрчивъ и чистъ, какъ голубь; всегда мудръ, какъ змѣя... Именно, чистъ и ясень, безъ малѣйшаго туска и безъ малѣйшаго пятнышка. Можетъ быть, самое подходящее тутъ слово—дѣвственность, дѣвственность не въ смыслѣ *παρθενεία* или *άγαμία* (безбрачіе), а въ смыслѣ *άγυεία* (безпо-рочность). Это—внутренняя свѣжесть всего существа, безхит-

наго чувства, скрывается вполнѣ опредѣленный фактъ, что было что-то въ г. Э., что могло возбудить при разговорѣ о немъ повышенность тона, и съ этимъ „что-то“ надо считаться. „Но, можетъ быть,—скажутъ мнѣ, подобныя чувства способны возбудить и другія лица“. Не знаю; однако нѣть ничего страннаго, что и у нихъ имѣется свое „что-то“, мимо чего большинство проходитъ невнимательно. Можетъ быть, и каждый изъ нихъ „гадкій утенокъ“ изъ сказки Андерсена,—молодой, неоперившійся Лебедь, котораго видѣть въ „Утенкѣ“ только любящій взоръ. Но вернемся къ разбираемому случаю.

Во-вторыхъ, мнѣ извѣстны аналогичныя (хотя и не столь повышенные по тону) свидѣтельства другихъ лицъ, и послѣднія представляютъ дѣло по существу такъ же.

Впрочемъ, не стану настаивать (потому что это мнѣ не такъ важно) на объективной значимости содержавія письма. Таковъ ли г. Э. или не таковъ—почти безразлично. Важно то, что читатель можетъ составить себѣ по данному письму нѣкоторый образъ, хотя бы онъ былъ чисто-художественнымъ и нѣкоторое понятіе о томъ, какія переживанія сопро-вождаютъ общеніе съ личностью высшаго типа. А въ этомъ все дѣло.

ростная простота, душистость лѣсного ландыша, окропленнаго утреннею росою; это—прохладная кристальность горнаго ключа, журчащаго по гранитному ложу.

У. Э. почти не сходитъ съ усть ясная улыбка, но за нею (хорошо узнать это изъ разговоровъ)—неизмѣнная тоска по небу. Будто про эту душу сказано:

. на свѣтѣ томилась она,
желаніемъ чуднымъ полна...

Однако не подумай, что тутъ что-нибудь блѣдное и фарфоровое. Нѣть,—ничего подобнаго: здоровье тебя со мною и уравновѣщеніе. Нѣть въ немъ нашихъ издерганности и надломовъ,—растеть подъ благодатнымъ воздействиемъ, какъ снѣжно-убѣленная лилія распускается подъ омытымъ солнцемъ, и сама не знаетъ о своей благоуханности... Э. представляется мнѣ не иначе, какъ въ широкой бѣлой одеждѣ, изъ грубой льняной ткани, мерцающей матово-жемчужно. Вспоминается (пишу тутъ же: все равно, порядку въ письмѣ не болѣе, чѣмъ въ Коранѣ) одна изъ нашихъ прогулокъ зимою. За деревней была полная тишина, и только похрустывалъ подъ ногою насть. Солнце было недалеко отъ заката; на неровной настовой коркѣ трепетали свѣтовыя пятна. Казалось мнѣ, что безконечно-милое солнце засыпаетъ путь, на встрѣчу Э., лепестками чайныхъ розъ. Снѣжная чистота, а надъ нею—свѣтъ, тепло и ароматъ,—подумалось тогда,—да это характеристика моего сосѣда. Вѣдь не то, чтобы онъ не вѣдалъ добра и зла. Далеко нѣть. Но въ каждомъ словѣ у него сквозитъ, что постоянно-бывающее, *siens*, въ немъ безповоротно преодолѣно вѣчно-сущимъ, *ens*. Яснымъ солнцемъ онъ стоитъ надъ копошащимся хаосомъ, осіянный; и не хочетъ знать его, покрывая всю дѣйствительность серебрянными ризами,—живя въ той дѣйствительности, где уже нѣть хаоса, а есть Благо, да зло, которое будетъ просто уничтожено. Надъ Э. же—*й лѣтогъ Вашѣлобъ*. Мнѣ трудно безъ єесофическихъ терминовъ выразить свое впечатлѣніе. Можетъ быть короче всего сказать, что въ немъ *Мѣт҃ро Феображеніе* безусловно подчинена *Мѣт҃ро Фео*, всегда рождающая и никогда не имѣющая устойчиваго Жена—единожды родившей Дѣвою. Онъ—подъ особымъ и специальнымъ покровителствомъ Пречистой, вполнѣ прикрыть честнымъ омофоромъ Ея, такъ что даже нечистое очищается около него.

Припоминается: въ катакомбной стѣнописи голубь былъ символомъ Духа святого, невинной души и мира. Теперь мнѣ понятно, какую связь имѣютъ въ переживаніи эти три аспекта единаго символа: Освящающая Сила, освященная душа и состояніе умиротворенности, какъ результатъ освященія. Въ переживаніи эти три момента нераздѣльны, хотя и не сливаются между собою; только для разсудочнаго разсмотрѣнія, какъ и всегда, единый символъ голубя раскальвается на три несовмѣстные аспекты.

Миръ души—вотъ что нужно отѣнить въ Э., реализовавшимъ слова „нашаго“ Святого, апокалиптическаго Серафима: „Радость моя, радость моя, стяжи мирный духъ, и тогда тысячи душъ спасутся около тебя!“ Вотъ именно, радость моя, нечаянная радость моя.—Миръ духа—не нирвана, наоборотъ, это—повышеніе жизненнаго пульса, такъ что и радость съ горемъ становится интенсивнѣе, и всѣ впечатлѣнія конкретнѣе и сочнѣе. Но сознаніе всякий разъ допускаетъ въ себя только осіянную сторону ихъ и не даетъ врывааться хаосу. Для Э. зло не степень и не абстракція, оно—реальная сила; однако мы никогда не должны допускать его въ сознаніе, какъ нѣчто имманентное ему, а должны всегда относиться ко злу какъ чему-то безусловно чуждому и вѣнчаному, съ викингской яростью нападать на него, устремляясь съ копьемъ, но не переживать, какъ реальность,—однимъ словомъ, относиться ко злу, какъ Кантъ—къ вещи въ себѣ, т. е. видѣть въ немъ „предѣльное понятіе“, отрицать которое недолжно, но изслѣдовать которое невозможно, оставаясь имманентнымъ областіи добра.

Вижу отсюда, что улыбаешься: „Зафилософствовался, и опять начинается всегдашняя „вода на облацѣхъ“. Возвращаюсь къ удовлетворенію твоей просьбы. Еще одно воспріятіе,—думаю, самое характерное. Когда смотришь на Э., то видишь (нарочно подчеркиваю это слово, чтобы ты не принялъ его за метафору)—видишь какое-то сіяніе. Мнѣ хотѣлось провѣрить свое впечатлѣніе, и какъ-то недавно я нарочно смотрѣль на Э. цѣлый день, не сводя глазъ. Какая лучистость, какая благодатность, даже, когда онъ говорить несуразное (случается и это). Отъ лица и, въ особенности отъ глазъ, исходить что-то,—тихое, ясное и лучезарное что-то,—то разгораясь сильнѣе, то почти угасая. Не знаю, какъ

определить эту благодатную силу, но ближе всего она сродна со спокойнымъ свѣтомъ. Понимай, какъ знаешь: лучше не могу выразить. Но помни только, что я говорю о дѣйствительномъ воспріятіи, простомъ, какъ звукъ, а вовсе не такъ называемыми въ нашей публикѣ, „поэтическими сравненіями“ ¹⁾.

¹⁾ По поводу послѣднихъ словъ г. И. сдѣлаю маленькое примѣчаніе.

Человѣчество рассматривается теперь въ качествѣ *chair à statistique*, и не мудрено, что подъ такимъ угломъ зрѣнія изслѣдователи упорно не замѣчаютъ кричащихъ различій между личностями, сливая всѣхъ въ сѣрый комокъ, въ „сплоченную посредственность (*conglomerated mediocrity*)“ (Дж. Ст. Милль), въ „паюсную икру, сжатую изъ мириадъ мѣщанской мелкоты“ (Герценъ): это, моль, только особи. *Нежеланіе* признать наличность типовъ возрастанія заставляетъ боязливо стирать всѣ различія, потому что они могли бы открыть глаза на существованіе духовной іерархіи. Одно изъ такихъ различій впродолженіе тысячелѣтій единодушно указывается священными книгами и литургическими памятниками всего рода людскаго, настороживо, будто для обличенія предвзятости, тысячу разъ отмѣщается цѣлою толпою свидѣтелей и оно, именно, многозначительно игнорируется—говорю о томъ, что святость и свѣтъ какими-то таинственными узами связаны между собою въ человѣческомъ сознаніи, и объ этомъ кричить весь *orbis terrarum*. Что святые наслаждались въ своихъ созерцаніяхъ „сладостью неизреченаго свѣта“; что подвижники во время видѣній сами сіяли свѣтомъ, и что это видѣли окружающіе ихъ; что сотни нравственно-религіозныхъ „метафоръ“ во всѣхъ языкахъ и не меньшее множество ритуальныхъ дѣйствій всѣхъ народовъ устанавливаютъ ту же связь между впечатлѣніями отъ высоко-духовной личности съ впечатлѣніями отъ свѣта или чего-то въ этомъ родѣ—все это несомнѣнно, все это великолѣпно знать каждый, кто хотя бы однимъ глазомъ безпристрастно заглядывалъ въ Библію, свято-отеческую литературу, въ требникъ любого исповѣдания, въ житіе любого святого и т. п., кто сколько-нибудь непредвзято вдумывался въ то, на что тычетъ пальцемъ и языкъ, и бытъ. Если бы ничтожную долю относящихся сюда свидѣтельствъ выписать на лоскутахъ бумаги и взвалить бремя выписокъ на спину современному позитивисту, то его спрессовало бы въ листъ, какъ какого-нибудь археоптерикса. Но и это соображеніе и позитивиста не подѣйствуетъ. Вѣдь онъ не спорить и не сомнѣвается; онъ презрительно отмалчивается и легкомысленно скользитъ взглядомъ по внушительному арсеналу фактovъ: рѣшилъ себѣ, что это—„только такъ“, „поэтическій оборотъ рѣчи, укоренившійся отъ историческихъ вліяній“, и... успокоился. Говорять ему: „вотъ: А, Б, В и т. д. утверждаютъ, что они сами имѣли переживанія такого рода; по словамъ самовидцевъ тутъ, дѣйствительно, привносится въ сознаніе какой-то специфический элементъ, устанавливающій связь между свѣтомъ и святымъ; имѣется особая данная для сравненія того и другого“. Но собесѣдникъ—все

Однимъ утромъ, когда я лежалъ еще въ полу-снѣ, мой другъ разговаривалъ въ сосѣдней комнатѣ съ проворовавшимся мужикомъ и убѣждалъ его покаяться, говорилъ о мученіяхъ совѣсти. Ты знаешь, какъ нестерпимы для меня всякия наставленія и какъ выводить изъ себя морализированіе. Навязчивость ихъ, ихъ неделикатность и обычное ненуженіе къ живой личности во имя „принципа“ и стемы заставляютъ изъ одного только протеста поступить наоборотъ. Но тутъ... тутъ впервые, можетъ быть, я услыхалъ голосъ „власть имѣющаго“. Такая убѣжденность въ силѣ добра звенѣла съ каждой нотой его голоса, столько жгучей

свое: „Метафора,—не болѣе. Или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, просто свѣтовыя ощущенія, не имѣющія никакой объективной значимости.“—„Скажите, спрашивають его, могутъ ли просто свѣтовые ощущенія занимать высоко-нравственныхъ людей—людей, которыхъ другіе не могутъ не признавать цвѣтомъ рода людскаго? Могутъ ли просто свѣтовыя ощущенія привлекать къ людямъ тысячи посѣтителей? А, съ другой стороны, стоило ли бы говорить обо всемъ этомъ, какъ о чёмъ-то особенно важномъ и особенномъ, если бы дѣло шло о простой метафорѣ? Подумайте: что-нибудь обозначается же иею. На что-нибудь опирается же метафора столь живучая.“—„И думать не ставу: все это чепуха и мистика. Кто можетъ этому серіозно вѣрить?“—„Да Вы пойдите и посмотрите, можетъ быть и сами увидите“.—„Тогда, значитъ, и я психозъ“, и т. д.

А между тѣмъ, указываемая категорія фактъ чрезвычайно важна. Вѣдь въ ией, повидимому, даются нѣкоторые признаки, чтобы „объективно“ доказать дѣйственность „идеального“ фактора, дается ощущительность дыханію святости, даются ключи къ тайникамъ религіозной жизни, полнымъ старинаго золота, осмысливается многое, что большинству кажется безсмысленнымъ (иапр. въ кульѣ) и что, однако, по неумолимымъ законамъ духа, изъ столѣтія въ столѣтія, отъ народа къ народу повторяется по всей землѣ. Эти явленія „благодатного свѣта“ слишкомъ существенны, чтобы можно было замалчивать ихъ далѣе. Они требуютъ своего разбора и, если бы даже отринуть объективное содержаніе всѣхъ свидѣтельствъ, то все же останется еще другой фактъ—фактъ, дѣлающійся при предположеніи отрицаніи болѣе загадочнымъ, еще настоятельнѣе требующимъ вниманія къ себѣ:—это, именно, повсюдная повторяемость и всеобщность самаго свидѣтельствованія, какая-то внутренняя необходимость для человѣческаго духа свидѣтельствовать о „благодатномъ свѣтѣ“. Эти факты, повторяю, ждутъ своего изслѣдователя. (Небольшая часть материаловъ по этому вопросу будетъ разсмотрѣна въ одной изъ статей, соприкосновенныхъ съ работой „О возрас-
тавіи типовъ“).

любви, столько безконечной бережности и уваженія къ личности было въ его рѣчахъ,—простыхъ и безвычурныхъ, что я былъ потрясенъ и уничтоженъ. Тутъ я окончательно убѣдился, что между нами и нимъ—пропасть, которой не перескочить безъ особой благодатной помощи,—не перескочить никакими стараніями, никакими совершенствоми. Но, въ неудержномъ благоговѣніи, стирался всякий слѣдъ гордости предъ этимъ существомъ высшей породы, умолкали послѣдніе отголоски протестовъ: „почему онъ, а не...“, „но, можетъ, всякий могъ бы достигнуть, если бы...“ и т. п. Только оживала чистая, бескорыстная радость,—радость, что есть предо мною живое существо, качественно иначе воплощающее идеаль, что добро перестаетъ быть объектомъ одного только внутренняго созерцанія, и становится реальной силой, проникаетъ тѣлесность, всыхиваетъ во всемъ организмѣ Э.. изступленно-сияющей красотою. Я могу органами чувствъ воспринимать красоту-добро, осознать, видѣть, слышать ее,—вливать то, что неизмѣримо, качественно, существенно выше меня!

Мнѣ приходилось наблюдать дѣйствіе Э. на другихъ. Видѣль я, какъ рыдалъ испачкавшійся и изгадившійся фабричный, при видѣ этой красоты духа оглянувшись на себя въ глубокой тоскѣ; видѣль еще многое другое. Но я знаю болѣше.—Однажды Э. и я были вынуждены прождать со сторожемъ при вогзаль всю холодную ночь въ стѣжевой будкѣ. Обезсиленный двумя безсонными ночами и иззябшій, я невольно опустилъ голову на колѣни своего друга и заснулъ. Во снѣ онъ явился мнѣ, сіяющимъ, какъ Архангель, и я зналъ, что онъ отгоняетъ отъ меня всѣ злые силы. Можетъ быть, въ эту холодную ночь, голодный и измученный, я впервые за всю свою жизнь былъ безусловно спокоенъ. Мнѣ казалось, что я плаваю въ нѣжно-сияющемъ морѣ благодати; будто неземная сила льется въ помощь мнѣ широкими потоками свѣта, баюкаетъ и оживляетъ меня, наполняя свѣтоносною водою живою все существо... Послѣ того вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, но до сихъ поръ звучать въ ушахъ у меня отголоски какой-то все-умиравшей музыки, до сихъ поръ еще разрывается грудь отъ радости, и восторгъ душитъ меня. До сихъ поръ еще чувствуя струю благодатной силы.

О счастье, счастье! Я видѣлъ Ангела-хранителя,—и ничего болѣе осязательного я никогда, ни во снѣ, ни на яву не видалъ. Этотъ сонъ поднялся надъ явью и сновидѣніемъ, даль такую реальность, которой не отнимутъ у меня всѣ разрѣшители дѣйствительности во мнимость... Никогда съ такою силою не волновало меня прошеніе: „Ангела мира, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ“, какъ теперь,—никогда не звучалъ съ такою побѣдною надеждой отвѣтный возгласъ лика:

„Пода-ай, Госпо-оди!““

Павелъ Флоремскій.
